

18+

ВТОРАЯ ЛИНИЯ
РАССКАЗЫ
И ИСТОРИИ РАЗНЫХ
ЛЕТ

Макс Фрай
Вторая линия (сборник)
Серия «Миры Макса Фрая»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22215467

Вторая линия. Рассказы и истории разных лет: Издательство АСТ;

М.; 2017

ISBN 978-5-17-101294-6

Аннотация

Автор сам толком не знает, что за линии такие, о чем вообще речь? Сюжетные? Поведения? Защиты? Линии жизни на двух руках, левой и правой? Или же в честь питерских улиц, что на Васильевском острове, такое название? Это вряд ли. Скорее всего, просто линии. Возможно, даже прямые. И у вас в руках сейчас одна из этих линий, несомненно параллельных. В некоторых местах, тем не менее, пересекающихся. А в остальных, согласно аксиоме из школьного учебника геометрии, нет. И то и другое верно, поскольку вселенная, в которой существует только одна правда – это уже не вселенная, а дурость какая-то.

Содержание

Вместо предисловия	5
Практические советы начинающим демиургам	7
От автора	7
Практические советы начинающим демиургам	9
Страшные сказки про людей	20
От автора	20
Верочка и атомная война[1]	22
Про Галю, Наташу и виртуальную любовь[2]	29
Про Диму и духовные метания[3]	33
Про Леню и священную сому	36
Про страшных Корнейчуков	42
Про Лизавету Мироновну	48
Из сборника	54
От автора	54
Sweet plum[5]	56
Из сборника	88
От автора	88
Суми-Думи[6]	90
До первой русалки[7]	94
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Макс Фрай

**Вторая линия. Рассказы
и истории разных лет**

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Вместо предисловия

Литература – это особым образом организованная речь, речь – инструмент коммуникации, а потребность в коммуникации – следствие богооставленности. С момента разрыва непосредственного контакта с, условно говоря, Богом, описанного в мифах как изгнание из рая, человек неполон. В каждом из нас проделана черная дыра, которая требует наполнения и притягивает к себе все, что подвернется. Этот процесс притяжения, собственно, и есть коммуникация. По мере зарастания дыры нужда в коммуникации снижается, то есть на определенном этапе так называемой «святости» отшельничество – не подвиг, а нормальная бытовая потребность.

Таким образом, литература (как и все остальные способы коммуникации) – прямое следствие богооставленности, которая сама по себе – первопричина и фундамент всех человеческих страданий. Вот нам и ответ на поставленный вопрос.

И одновременно – прекрасная задача повышенной сложности.

Потому что использовать этот заточенный под страдание инструмент для описания прямо противоположного состояния – вот вызов и достойная цель. И не в литературе, понятно, дело, литература – это просто повод взяться за ра-

боту в том самом уникальном случае, когда труд действительно освобождает. Потому что речь используется не только для внешних, но и для внутренних коммуникаций, для непрерывного разговора с самим собой. Научаясь применять этот созданный страданием и для описания страдания инструмент по иному назначению, можно постепенно перепрограммировать себя самого. Ну и тех, кто мимо шел, если очень повезет.

У святого Петра целая связка ключей от рая. Это – один из многих. Не универсальный. Но некоторым вполне может подойти.

Практические советы начинающим демиургам

От автора

«Практические советы начинающим демиургам» были написаны в 2002 году специально для составленной тогда же антологии «Книга вымышленных миров». Антология получилась, на мой взгляд, неудачная, эту идею следовало бы реализовать пятью – шестью годами позже, когда у нас уже был ФРАМ, как-то незаметно собравший целую плеяду блестящих авторов. Зато она стала поводом написать этот цикл коротких текстов, читать которые мне сейчас удивительно, потому что я же, вроде бы, хорошо помню автора, то есть, себя разлива две тысячи второго года, и голову на отсечение даю: не мог тот человек все это знать, не было у него ни соответствующего опыта, ни даже мыслительного аппарата, пригодного для теоретического понимания. И вообще ничего, кроме ветра в голове, ледяной пустыни в сердце и пары старых ярко-желтых башмаков, чтобы гулять, где вздумается, и никогда не возвращаться.

Отличный, как выяснилось, набор.

Практические советы начинающим демиургам

1

Некоторые наивно полагают, будто демиурги – совершенные и самодостаточные существа, деяния их безупречны, а намерения продуманы.

Это, разумеется, не так. Достаточно поглядеть по сторонам, чтобы уяснить: совершенство не в природе демиурга. Да и зачем бы совершенному и самодостаточному существу создавать какие-то обитаемые миры?

То-то и оно.

Как все несовершенные существа, демиурги очень любят давать друг другу советы. Советы бывают полезные (насколько вообще может быть полезен чужой совет) и вовсе бесполезные (хоть и забавные). Зато вредных советов демиурги друг другу не дают никогда: зачем?

И так, мягко говоря, не сахар.

2

Прежде, чем приниматься за работу, начинающему демиургу следует ознакомиться с опытом великих предшественников.

Не потому, конечно, что один демиург может чему-то научиться у другого.

А просто чтобы не повторяться.

3

Великий соблазн для начинающего демиурга – сотворить точную копию уже существующего мира, выстроить мост в пустоте между подобием и оригиналом и посмотреть, что будет.

Создание копии порой и правда помогает совершенствовать мастерство. Однако ценности такая копия не имеет; к тому же обитателей обоих миров такие фокусы нередко сводят с ума.

4

Добросовестный демиург не станет сотворять обитателей новорожденного мира по собственному образу и подобию.

Встреча с двойником, говорят, сулит гибель – что же будет с безумцем, который пожелает увидеть несколько миллиардов собственных копий одновременно?

К тому же не следует забывать, что почти всякий усталый копиист невольно становится карикатуристом.

5

Некоторые демиурги полагают текст живой плотью; им кажется, будто ткань человеческого бытия соткана из той же материи, что и книги: из слов. «В начале было Слово, не так ли? – вопрошают они. И с пафосом заключают: «Еще неизвестно, воследовало ли за ним Дело, или было решено, что сойдет и так?..»

Прочие взирают на них с благоговением, но все же месят глину – впрок.

6

Одни демиурги начинают со слов, другие – с рукотворных дел. Первые заботятся о том, чтобы придать своему творению смысл, вторые пекутся о тепле и пище.

Но умудренные опытом демиурги начинают с создания мифа. Они знают: только мифом живы обитаемые миры. Миф – полагают такие демиурги – единственный смысл бы-

тия, пища для живого пламени.

Очевидцы утверждают, будто жить в мире, у которого такой творец, холодно и страшно, зато некоторые тайные учения свидетельствуют, что лишь у обитателей мира, созданного в качестве комментария к мифу, есть шанс на бессмертие.

7

Лишь две опасности существуют для демиурга, чьи дела всегда предваряются словами. Первая – недооценить силу собственных слов. Вторая – переоценить эту силу.

В первом случае выйдет хаос, а во втором – и вовсе балаган.

8

Демиургу нет нужды уметь, к примеру, летать. Достаточно выдумать того, кто верит, будто он это умеет.

И так со всяким полезным трудовым навыком.

Поэтому большинство демиургов вообще ничего толком не умеют, даже шнурки завязывать.

Так и живут.

9

Похвально, когда демиург берется за вещи, недоступные пониманию непосвященных. Важно, однако, чтобы эти вещи были хотя бы отчасти доступны его собственному пониманию.

10

Встречаются люди, которые мечтают стать демиургами, вопреки своей человеческой природе. Они высокомерно взирают на мир, которому принадлежат, и стремятся совершать поступки, подходящие, по их представлениям, статусу демиурга. Конечно, таким мечтателям никогда не удастся создать живой обитаемый мир; дело обычно ограничивается имитацией, тщательной инсценировкой чужих несбывшихся грез.

Демиурги обычно наблюдают за действиями пылких упрямцев с уважением и любопытством. Но в ученики их никогда не берут.

11

Некоторые прирожденные демиурги не знают о своей при-

роде и полагают, что заняты игрой или развлекают ближних своих забавными шутками, в то время, как сами создают и разрушают обитаемые миры.

Поэтому прежде, чем приняться за новую игру, следует удостовериться, что вы действительно не демиург. А то, знаете ли, всякое бывает.

12

Некоторые демиурги убеждены, что обитаемые миры должны начинаться как дети: со страстью, восторгом и наслаждением. Они считают, что жизнь в прекрасном и совершенном, но созданном тяжким трудом мире будет подобна каторге, а потому подражают лишь младенцам, бабочкам да уличным скрипачам.

Рассказывают о демиурге, который создавал миры, стремительно сбегая вниз с вершины горы и громко выкрикивая все, что успевало прийти на ум. Его экстатические вопли немедленно овеществлялись; существовали они всегда недолго, но радовали воображение редких ценителей изящством и незавершенностью линий.

13

Большинство демиургов начинают свой труд не с сотво-

рения гор, морей, облаков или, скажем, детских считалочек будущего мира. Почти всякий демиург прежде всего создает кошмар. Не потому что демиурги злы, и не потому что страхи так уж необходимы для существования обитаемой вселенной. Просто так уж все устроено, что создать кошмар легче всего. Поначалу неопытные демиурги даже сами не замечают, как это у них такое получается.

А потом — что ж, потом уже поздно...

14

Некоторые демиурги считают, что нет ничего важнее, чем живые существа, которым предстоит заселить мир. Таким творцам кажется, что горы, воды, пещеры и небеса нужны лишь для того, чтобы поддерживать жизнь разумных обитателей новорожденного пространства; стихии требуются, чтобы дать им силу, а светила восходят над горизонтами исключительно ради создания гороскопов.

Прочие демиурги с ними не спорят. Вежливо соглашаются и качают головами: дескать, вот как оно бывает!

15

Создавая обитаемый мир, искушенный демиург не забывает о мелочах. Он непременно позаботится, чтобы населе-

нию было, кому молиться и на кого надеяться. Предусмотрительный демиург не поленился населить небеса богами, похожими на людей, – такими, чтобы о них было приятно разговаривать на досуге, чтобы одни жаждали стать их избранныками, а другие могли на них сетовать.

Великодушный демиург понимает: людям совсем не обязательно знать, что рассчитывать им не на кого.

16

Чего точно не станет делать великодушный демиург – так это отнимать у своих созданий возможность мечтать о бессмертии.

С другой стороны, великодушие не является неотъемлемым душевным качеством всякого демиурга.

17

Некоторые демиурги спорят: следует ли создавать обитаемые миры лишь наяву, в здравом уме и твердой памяти? Или же можно дать себе волю во сне?

На самом деле, конечно, нет никакой разницы – хотя бы потому, что нет ни сна, ни яви, а лишь две жизни, проживаемые одновременно. Это правило в равной степени верно и для демиургов, и для их созданий, сколь бы несовершенны

ни были и те и другие.

18

Говоря о сновидениях, следует признать: не всякий рождается демиургом, но любой может стать им на время, во сне. Люди, даже самые мечтательные, редко ценят такую возможность, полагая, будто значительные события могут случаться только наяву.

И лишь демиурги знают, какое великое множество восхитительных миров рождается каждую ночь. Поэтому они приветствуют всякое утро с печалью и почтением, как и подобает встречать бесконечную череду апокалипсисов.

19

Некоторые демиурги всерьез полагают себя ответственными за судьбы сотворенных ими миров. Они подолгу обдумывают свои поступки, корят себя за ошибки и тщетно пытаются устранить все просчеты.

Пустое. Демиург не создан для ответственности. У него иная природа и иные заботы. Лучшее, что может сделать демиург для сотворенного им мира, – забыть о нем на следующий же день.

20

Неосмотрительно и самонадеянно полагать, будто первый же созданный вами мир непременно станет венцом творения. Но даже самый неопытный демиург должен постараться создать мир, который он сможет любить хотя бы некоторое время. В противном случае, ему придется убедиться, что уничтожать собственное детище – печальный, утомительный и неблагодарный труд. Все равно что обои обдирать.

И ведь не наймешь никого.

21

Не стоит затягивать агонию умирающего мира.

Демиург должен быть честен с собой: если уж не получилось, значит не получилось. Ни к чему тратить время и силы на штопку бесчисленных прорех.

Ломать, в конце концов, не строить.

22

Если уж демиург твердо решил разрушить созданный им обитаемый мир, его долг – позаботиться, чтобы гибель мира была красивым зрелищем. Небрежность в таком ответствен-

ном деле, как мы понимаем, совершенно недопустима.

23

И последнее.

Прежде, чем приниматься за сотворение мира, всякий разумный и ответственный демиург обязан создать самого себя и удостовериться, что новорожденное существо как нельзя лучше подходит для предстоящей работы.

Страшные сказки про людей

От автора

Эти тексты были написаны в 2002–2003 годах специально для spacetime, *«сообщества людей, сообщающих подробности о других людях третьим, пятым и тридцать четвертым людям»*, созданного в Живом Журнале Романом Лейбовым. Сейчас это сообщество находится в плачевном состоянии, а тогда была пора его расцвета, там появлялось много достойных текстов и просто интересных историй.

Прежде мне как-то не приходило в голову записывать т. н. «истории из жизни» – о людях, которые мне встречались, и событиях, которые с ними (или даже с нами) происходили. Дескать, что тут может быть интересного? Притом, что моя судьба была столь щедра на колоритных персонажей и невероятные события, что если мне когда-нибудь взбредет в голову написать мемуары, в книжных магазинах их наверняка будут ставить на полки с фантастикой и в кои-то веки не промахнутся.

Но это я сейчас более-менее понимаю, а прежде мне ка-

залось, это скучная рутина, все как у всех.

Но мне понравилось сообщество spacetime, как и многое другое, что делал Роман Лейбов, и захотелось для него что-нибудь написать.

Работа для сообщества spacetime оказалась для меня прекрасной школой. Вообще в моей жизни были всего две школы писательского мастерства, одна другой лучше: чердак, где мы с соседскими детьми собирались, чтобы рассказывать друг другу страшные сказки, и, много лет спустя, spacetime, где можно было учиться рассказывать гораздо более страшные сказки *о других людях*.

Верочка и атомная война¹

Моя одноклассница Верочка, самая красивая девочка в классе, в школе и, возможно, вообще в мире, была дочкой школьного завуча Тамары Викторовны.

Тамара Викторовна преподавала русский язык и литературу. Она была огромного роста, имела фельдфебельские зашарки, грушевидную фигуру, маленькое лицо сердечком и бакенбарды героини Ильфа и Петрова. Как у нее вышла такая удивительная красавица дочка, неведомо.

Так или иначе, но щедрая природа каким-то образом выхлопотала для Верочки в небесном спецраспределителе точеный носик, миндалевидные серые глаза, роскошную копну волос цвета спелого каштана, покатые плечи, маленькую грудь, осиную талию, крутые бедра и прочие обязательные атрибуты лирической героини.

Она правда была удивительная красавица. Даже кургузое пальтишко бледно-горохового цвета, которое справила ей мама-завуч (Верочка носила его с шестого класса по десятый), жуткая тряпочка-передник поверх коричневого платья, стоптанные туфельки без каблука и прочие ужасы советской уличной моды – все это дела не меняло.

¹ Записано в январе 2003 года.

В девятом классе мы с Верочкой крепко подружились и даже сидели за одной партой: на математиках, химии, физике, истории и географии. Возможно, именно поэтому я до сих пор решительно ничего не понимаю в вышеперечисленных предметах: красота Верочки парализовала мой разум.

У Верочки же, как я понимаю, были свои резоны дружить со мною.

Во-первых, у меня дома в ту пору почти никогда не было родителей. Для Верочки, замордованной сожительством с мамой-завучем, мой дом был своего рода Островом Свободы, этакой небесной Кубой. В эпицентре этой сказки мы с Верочкой курили Заграничные Сигареты, которые она воровала у дяди-моряка, ели сливовый компот, запасы коего почему-то всегда имелись в кладовой, и слушали пластинки. Не Пугачеву какую, а все же Элтона Джона. И еще группу «Спейс», оркестр Поля Мориа, Африка Симона и все в таком духе. Все нездешнее, что можно было в ту пору достать на пластинках.

Тут был еще такой специальный, особый кайф: Верочка для курения всегда раздевалась. Снимала школьную форму, надевала гимнастерку моего папы (стратегический запас гимнастерок мог сравниться только с запасами сливового компота). Это был очень мудрый поступок: платье, таким образом, проветривалось на балконе и не впитывало запах сигаретного дыма. За курение мама-завуч дочку расчленила

бы заживо, не сомневаюсь.

Она бы ее, впрочем, и за эти визиты ко мне расчленила бы непременно. У меня в ту пору была в школе Репутация. Ну, то есть ничего конкретного мне инкриминировать не могли, но всем педагогам было как-то ясно, что хорошие дети со мною дружить не должны бы. Почему – сложно сказать: ничего такого мне тогда вытворять не доводилось. Все *этакое* случилось в моей жизни несколько позже.

Впрочем, не обо мне речь. Важно, что сам факт дружбы со мною и эти вот тайные визиты кружили Верочке голову. Ничего общего у нас с Верочкой, собственно, не было, просто мы кружили друг другу голову. Разными способами.

Кстати о кружении головы. В десятом классе Верочка вдруг попросила научить ее целоваться. Оказывается, она заранее, в сентябре еще, как-то договорилась с мамой, что та отпустит ее праздновать Новый год в компании старшего брата Саши, курсанта Артиллерийского училища. Верочка очень боялась, что там будут взрослые мальчишки, а значит, может случиться экзамен по прикладному целованию. И что тогда делать?

Пришлось научить ее целоваться – во имя будущих незнакомых мальчиков из Артучилища.

Новый год Верочка отметила в полном соответствии со

своими романтическими планами. Экзамен по целованию был благополучно сдан; в качестве поощрительного приза Верочка получила ухажера, второкурсника Олега. Прекрасный принц оказался невзрачным, лопоухим рыжеватым блондином, невысоким и плотным. Впрочем, меня слушать, наверное, не стоит, я – свидетель пристрастный. А Верочке Олег нравился. Она, откровенно говоря, была влюблена как кошка.

Дружба наша, таким образом, сошла на нет. Верочка много занималась, поскольку мама требовала непременно закончить школу с золотой медалью. А в свободное от занятий время Верочка ходила на свидания. Раз в неделю, в воскресенье – на официально дозволенное мамой свидание, и еще раз в неделю – на тайное (мама-завуч кандидатуру Олега одобряла, но искренне не понимала, зачем нужно встречаться с мальчиком целых два раза в неделю).

Да и у меня началась какая-то новая жизнь

Ко мне в гости Верочка заявила лишь однажды, в середине мая, незадолго до выпускных экзаменов. Прибежала сразу после очередного свидания. Мама-завуч думала, что дочка сидит на курсах английского, а дочка в это время подробно рассказывала (и показывала) мне, куда и как ее поцеловал Олег. Сказала, что должна поделиться со мною Самым Важным. Суть судьбоносного меседжа сводилась к то-

му, что ее распрекрасный Олег сказал, будто больше всего на свете хочет с Верочкой переспать. Кто бы, блин, сомневался.

Но Верочка от такого сообщения была в шоке. Причем не от смущения, а от счастья. Она почему-то думала, что мальчики соглашаются спать с девочками только по очень большой любви. Ну, у нее вообще в голове черт знает что творилось. как, впрочем, почти у всех нас в шестнадцать лет.

Мои попытки объяснить Верочке, что такие вещи, мягко говоря, не всегда взаимосвязаны, практически положили конец нашей прекрасной дружбе.

В общем, Верочка твердо решила, что надо соглашаться. Если уж он ее та-а-а-ак любит, что даже трахаться готов.

Дальнейшее развитие событий известно мне от нашей классной руководительницы, обладательницы доброго сердца и злого язычка. Своих учеников она опекала как львица – до выпускного вечера и от всего сердца предлагала дружбу – сразу после. Мы с нею встречались раз в два – три месяца и трепались за бутылкой «Букета Молдавии». В основном сплетничали про «наших».

По словам классной, роман Верочки и Олега благополучно продолжался и после того, как наша красавица закончила школу.

В восемнадцать лет Верочка пришла к маме и запросилась замуж. За Олега, понятно – за кого ж еще?

Мама-завуч пришла в ужас. По ее мнению, хорошей девочке следовало сперва закончить институт, а уж потом «думать про замуж». Верочка была в отчаянии, но маму слушаться по привычке боялась. Да и жить им, кроме как с мамой, было, надо понимать, негде.

И тут всех спасла наша находчивая классная. Она пошла к своей коллеге, завучу Тамаре Викторовне и внушительно сказала:

– Ты что, Тамара?! А вдруг завтра атомная война? Все равно всем погибать. Пусти Верку замуж, пусть хоть чуть-чуть девочка поживет, порадуется.

Тут надо, наверное, напомнить, что в ту пору, в начале восьмидесятых, население СССР очень боялось атомной войны. Ожидание атомной войны было привычным фоном, на котором протекала повседневная жизнь простых советских людей, веровавших в газеты и телевизор. Это была вполне серьезная страшилка. Помню, когда по телевизору прервали фигурное катание, чтобы сообщить страшным дикторским голосом экстренную новость про очередной полет космонавтов, наш сосед дядя Боря попал в больницу с сердечным приступом: думал, сейчас войну объявят. И таких как он было очень много.

И крикучая завуч Тамара Викторовна действительно устыдилась, испугалась, пустила Верочку замуж, отдала мо-

лодым комнату в трехкомнатной хрущобе и даже возлюбила курсанта Олега, который оказался вполне положительным молодым человеком.

Лет пять спустя они случайно встретились мне на улице Космонавтов. Не вдвоем, а втроем. Завуч Тамара Викторовна в обычном своем платье-чехле, рыжий Олег в военной форме и Верочка в каком-то жутком ситцевом халате. В ту пору не было ничего страшнее ситцевых халатов, этой бабьей униформы приморских городов. Верочка поправилась килограммов на двадцать, не меньше. И ее муж Олег тоже изрядно растолстел. Им обоим, напоминая, было в ту пору года по двадцать три примерно. А выглядели они как совсем взрослые дядька и тетка, почти ровесники Верочкиной мамы. Грузные, усталые. Шли, ели мороженое из вафельных стаканчиков, переругивались – беззлобно, по привычке, что ли. Меня они, по счастью, не опознали. Останавливаться, спрашивать, как дела, и отчитываться о своей жизнедеятельности не пришлось.

Лучше бы, что ли, и правда атомная война случилась, – подумалось мне тогда. Но было уже поздно что-то менять.

Ну и к тому же если из-за всякой глупенькой Верочки атомную войну развязывать – это уж вовсе ни в какие ворота. Боеголовок, пожалуй, не напасешься.

Про Галю, Наташу и виртуальную любовь²

В университете со мною учились две девочки, Наташа и Галя.

В тех редких случаях, когда мне удавалось заставить себя посетить лекцию, они почему-то неизменно оказывались где-то поблизости. Как я понимаю, нас роднила привычка устраиваться на задних рядах.

Это, конечно, потому, что знания нам были до фени. Меня в ту пору все больше занимали всякие глупости вроде экзистенциального ужаса, а девочек, понятно, любовь.

Но любовь у девочек была не простая, а, можно сказать, виртуальная.

Галя была влюблена в киноактера Никиту Михалкова, а Наташа – в киноактера Андрея Харитонов (он играл главную роль в умеренно культовом фильме начала восьмидесятых «Овод», если кто помнит).

Как существа творческие, Галя и Наташа не удовлетво-

² Соответствующая запись в архиве сообщества spacetime датирована 10 октября 2002 года.

рялись безобидной мастурбацией в девичьих горенках (черт их знает, может, и вовсе пренебрегали такой возможностью). Вместо этого они писали лирические истории о своей виртуальной счастливой жизни с возлюбленными. Именно этим они и занимались на лекциях вместо того, чтобы впитывать знания или, на худой конец, мирно бездельничать. Потом они обменивались текстами, читали, обсуждали.

До поры до времени смысл происходящего был мне неясен. Мы с моим экзистенциальным ужасом и без того неплохо проводили время, читая бледные перепечатки «Тибетской Книги Мертвых» и прочую дивную метафизическую хренотень. Девочки Галя и Наташа казались мне идеальными соседками: тихие, бледные, красивые, они мне совершенно не мешали, а, напротив, услаждали остекленевший от древней мудрости взор.

Но в один прекрасный день случилось культурное событие.

Девочки Галя и Наташа, одурев, вероятно, от герметичности своей мини-секты, взалкали контактов с окружающим миром.

В качестве полномочного представителя окружающего мира они избрали меня.

У меня в ту пору была среди сокурсников сомнительная

слава местного мастера слова (хотя никто, в том числе и я, не смог бы объяснить, в чем, собственно, выражается упомянутое «мастерство»). Вероятно, просто экзистенциальный ужас в моих безумных очах светился, наводя окружающих на мысли о Страшном.

В результате Галя и Наташа вручили мне свои рукописи с просьбой прочитать и высказать замечания. Речь шла, понятно, не о содержании, а о «литературном качестве» их любовных эпопей.

Мне, ясен пень, было любопытно, да и лестно, чего греха таить. До той поры окружающие никогда не спрашивали моего мнения о литературных достоинствах их произведений. Только ошибки просили проверить на письменных экзаменах, но это, как мы понимаем, не совсем то, что требуется.

В результате переговоров в моем распоряжении оказались две общие тетрадки. В черной глянцевой обложке и в коричневой матовой. Какая была чья – не помню.

Прочитать мне удалось только несколько первых записей. Галиных, судя по тому, что речь там шла об актере Никите Михалкове. История о том, как они с Галей ехали в поезде, а за окном было поле с ромашками, которые понравились Гале. И тогда актер Никита Михалков нажал на стоп-кран остановил поезд и нарвал Гале ромашек. А потом заплатил штраф, потому что богатый. И все, счастливые и довольные,

поехали дальше.

Дочитать эту неземную красотищу до конца или, тем паче, взяться за вторую тетрадку у меня, понятно, не хватило гражданского мужества. Экзистенциальный ужас – это одно, а бытовой – совсем другое. До принятия бытового ужаса я и по сей день дорости не могу.

Мне как-то удалось вернуть тетрадки девочкам, отбрезаться, пробормотать сбивчиво, что, дескать, все хорошо – лишь бы не обидеть. У меня в ту пору был злой язык и вполне каменное сердце, но девочки и тетрадки – все это находилось где-то по ту сторону добра, зла и прочих полезных в хозяйстве вещей. Мне было ясно, что их лучше не трогать.

Потом мне пришлось учиться читать свои ксерокопии, сидя не в последних, а в первых рядах: горячий шепот Наташи и Гали сводил с ума, отвлекал от привычных и уютных размышлениях об экзистенциальном ужасе.

Но в общем обошлось – для меня.

У этой, как и у всякой страшной сказки, нет ни морали, ни более-менее счастливого конца. Понятия не имею, как и зачем живут теперь эти девочки. И знать не хочу. В точности, как когда-то, в возрасте пяти лет, мне не хотелось ничего знать о судьбе девочки, в чей подъезд вошла Черная Рука.

Про Диму и духовные метания³

Однажды добрый бог ненадолго отвлекся от кормления ненасытного воронья швейцарским сыром и послал мне жилплощадь в коммунальной квартире. Длинную узкую комнату с бледно-зелеными обоями, большим окном и высоченными потолками. Ужасающее жилье казалось мне прекрасным, поскольку оно было моим, и больше ничьим. Точка. Непрерывный бытовой оргазм.

«Больше ничьим» – это, конечно, касалось только самой комнаты. Коридор, туалет, душевая и кухня, понятно, были общие. По коридору, туалету, душевой и кухне сновали мыши, тараканы, клопы и люди. Люди назывались соседями.

Рядом со мной, как раз за зеленой стеной жил алкоголик Дима. Лысый, синеглазый пенсионер, на первый взгляд тихий и безобидный. По утрам он тусовался внизу, на ступеньках пункта приема стеклотары. Там у местных выпивох был своего рода английский клуб: закрытое мужское сообщество, членство в котором считалось престижным среди прочих пьющих граждан. Выгоды очевидны: близость к ис-

³ Эта и несколько последующих историй про жильцов коммунальной квартиры написаны в октябре 2002 года. Коммунальная квартира самая настоящая, в городе Одессе, на Проспекте Мира, время действия – середина восьмидесятых годов прошлого века. Герои повествования тоже самые настоящие; впрочем, все или почти все они давным-давно умерли.

точнику дохода, возможность культурного общения с такими великими людьми, как работники приемного пункта, возможность укрыться от ненастья, в конце концов. Чужих с этих ступенек гнали, беззлобно, но и безапелляционно. На моей памяти в тусовке появилось лишь одно новое лицо: совсем юный инвалид-афганец. Пожилые алкашики приняли его в качестве «сына полка»: баловали, оберегали по мере сил от бытовой жути. Но речь не о нем, а о Диме.

Днем Дима, как правило, возвращался домой, варил серые макароны на кухне, а потом запирался в своей комнате. То ли спал, то ли смотрел телевизор. Зато по ночам он жил исключительно духовной жизнью. Душа его по ночам смятенно металась по закоулкам мясной темницы, побуждая прочую тушу педантично воспроизводить эти метания в материальном мире. То есть Дима непрерывно бегал по комнате, а за полночь так и вовсе выскакивал в коммунальный коридор.

Следует отметить, что в домашней обстановке Дима носил голубое нательное белье и по коммунальному коридору скитался исключительно в таком виде. На робкие протесты соседок говорил: «это домашняя форма одежды пожилого человека!» На что они, женщины, в сущности, простые, вербальным хитростям не обученные, не находили резонных возражений.

В ходе ночных метаний Дима обычно общался с космосом посредством громкого говорения выстраданных слов. Чаще всего он кричал в пространство лирическую фразу: «А бабы-то и нет!» – а потом на какое-то время умолкал, прислушивался. Вдруг, дескать, небесам есть что ответить на его вопль?

Небеса, надо сказать, в конце концов, не выдержали стонов одинокого сердца и послали ему красивую толстую подругу по имени Женя. Женя оказалась роковой женщиной: первым делом она отучила Диму от голубого нательного белья. По крайней мере, вскоре после ее появления мой сосед стал метаться по коридору в розовых ситцевых трусах и белой майке. Потом Женя исчезла из Диминой (и, соответственно, нашей коммунальной) жизни, но привычка к ношению ситцевых трусов у Димы, увы, осталась.

Будучи существом возвышенным, Дима не смог существовать в рамках иной бельевой стилистики и тихо умер где-то в начале девяностых.

Про Леню и священную сому

Человек с бабелевским именем, мой любимый сосед Леня Король был невелик ростом, сухощав и по-своему красив. Такие лица были очень популярны в тридцатые годы. Тот же тип, что артист Алейников, та же (редкая, как мне кажется) разновидность обаяния: помесь пролетария и декадента. Для полного счастья – седая прядь в волнистых русых волосах. Она, как утверждал Леня, была у него с детства.

Леня Король занимал две огромные комнаты с двумя балконами и потрясающей красоты башенкой между ними. Кроме комнат у него была своя, отдельная кухня. Это в его деле было чрезвычайно важно.

А дело было такое: Леня варил ширку и слыл одним из лучших варщиков в городе.

Жизнь рядом с ним, как жизнь рядом со всякой знаменитостью, доставляла нам, соседям, немало проблем. Хлипкую общую дверь, ведущую в коридор нашей коммунальной квартиры, ломали как минимум раз в неделю. Потом принимались крушить Ленины приватные, куда более мощные запоры. Но на этом этапе осады кто-нибудь из соседей начинал грозить ментовскими карами, и злодеи удалялись, посулив вернуться. Обещания эти в большинстве случаев выполня-

лись.

Весь этот ужас творился потому, что Леня был в своем роде снобом и эстетом. Он не желал варить ширку кому попало. Он всерьез полагал свое варево не простой наркотой, а чем-то вроде священной сомы, мог часами рассуждать о полезных для души и тела свойствах ширки, а потому соглашался готовить волшебное зелье только для приятных ему людей. Приятные люди пользовались его милостями, а потом воспевали талант Лени Короля по всем городским притонам. Адресок чародея охотно сообщали всем желающим. Желающие пробовали добиться Лениного расположения всеми доступными способами, а не добившись, развязывали военные действия.

Несколько раз Леню отлавливали и били смертным боем; один раз скинули в лестничный пролет, с третьего этажа на первый. Дом был старый, потолки пятиметровые, поэтому в сумме вышло страшное вполне расстояние. К счастью, внизу лежала груда тряпок и пустых картонных коробок, так что Леня отделался сравнительно ерундовыми травмами.

Были у него и другие неприятности – с ментами. Те очень любили вламываться по ночам в нашу коммунальную квартиру и, не обнаружив Леню дома, устраивать шмон у всех соседей. Искали его по нашим шкафам. То еще удовольствие.

Иногда Леню находили и отправляли в ЛТП. Через пару месяцев он возвращался. Его вполне могли бы посадить и надолго, но у Лени имелся высокопоставленный обкомовский брат. Жирная лоснящаяся скотина в ондатровой шапке – такое впечатление у меня осталось от первой и единственной встречи. Может быть, впечатление было ошибочное: у меня в те годы от одного вида ондатровых шапок приступы неконтролируемой ярости случались.

Так или иначе, но брат в большинстве случаев отмазывал Леню от крупных неприятностей. Правда, Леня говорил, что однажды брат сам его в ЛТП засадил, но родственные отношения – дело темное. Не знаю, словом.

Мы с Лене́й, можно сказать, дружили. Притом совершенно бескорыстно.

Мое знакомство с ширкой состоялось несколько раньше, и мы пришли к обоюдному выводу, что не подходим друг другу. На том, как говорится, и порешили.

Лене лишь однажды удалось навязать мне сей бесценный дар. Нехороший полутрип продолжался двое суток, после чего Лене было интеллигентно, но твердо сказано: «на хуй твою хуйню».

Добрососедским отношениям это, однако, не помешало. Мы подкармливали друг друга в трудные дни, благо таковые случались у нас в разное время. У меня выработалась при-

вычка покупать домой два хлеба: себе и Лене. Родственники мои с восторгом выяснили, что я, оказывается, обожаю прошлогоднее засахаренное варенье: Леня жить не мог без сладенького. Он же, разжившись деньгами, непременно просовывал мне под дверь треху, а то и пятерку. Не давал в руки, а именно так – тайком совал. Это, надо сказать, не раз спасало мою органическую жизнь.

По ночам мы нередко пили чай с вареньем у него на кухне. Ради такого дела Леня любезно убирал с плиты свой аптекарский хлам. В наших комнатах в это время трахались бездомные приятели: Ленины – под ширкой, мои – просто так. Моя жилплощадь по этой причине освобождалась много быстрее, зато у Лени было что послушать.

Что до моих приятелей, они постепенно перезнакомились с Леней и стали понемногу перебираться на Ленину территорию. Понятно, не для того, чтобы попить чаю, посидеть на балконах или забраться в башенку. У моих приятелей к Лене был практический интерес.

Со временем это приобрело комические формы. Мои знакомые старались прошмыгнуть к Королю тайком: стеснялись меня. Столкнувшись со мною в коридоре, краснели и безбожно врали, что зашли к Лене на минутку, отдать старый долг. Мне, понятно, было по фигу, но поди объясни это людям, *всерьез присевшим на измену*.

Зато Леня был счастлив: он-то, бедняга, всю жизнь хотел вырваться из своей среды. Внимание богемных мальчиков-девочек ему чрезвычайно льстило. Особенно, конечно, девочек.

Девочки, надо сказать, тоже были довольны. У своего тезки, художника Лени, Король даже отбил жену Светку – не на какую-нибудь там неделю, а всерьез и надолго. Попробовав ширку, эта удивительная женщина заявила, что была полной дурой, пробухав первые тридцать пять лет своей жизни, зато теперь, дескать, непременно исправит эту оплошность. И исправила, надо сказать. Четыре года, верой и правдой. Больше не успела по причине высокой смертности среди провинциальных наркоманов.

Нетрудно догадаться, что главного героя этой истории тоже давным-давно нет в живых. Леня умирал долго и мучительно, в течение полутора лет, с переменным, так сказать, успехом. Иногда казалось, что он выздоравливает, но потом ему становилось еще хуже. Это, как мне рассказывали, началось с очередной драки с «клиентами». Лене сломали челюсть, которая со временем все больше опухала и причиняла ему неопишуемые страдания. Когда какое-то время спустя, брат стал таскать Леню по врачам, они уже ничего не смогли сделать.

Последние несколько недель были ужасны. Мне, к сча-

стью, почти не довелось при этом присутствовать: место жительства к тому моменту сменилось. Несколько раз пришлось зайти в коммуналку за какими-то вещами. В коридоре пахло разлагающимся Лениным телом. Не очень сильно, у него была хорошая, крепкая дверь, но мне хватило. Говорят, он почти все время кричал. Еще говорят, что брат успел его перед смертью зачем-то окрестить и женить. То есть женить как раз понятно зачем: таким образом продавались квартиры до наступления эпохи приватизации.

Поэтому после Лениной смерти его комнаты заняла бойкая женщина Надя, но с нею мы уже не соседствовали. Знаю только, что у нее была огромная белая собака неведомой породы. Собаку звали Микки.

Про страшных Корнейчуков

Семейство Корнейчуков занимало в нашей коммунальной квартире две большие смежные комнаты. Муж Миша, жена Мила и две дочки, погодки. Все невысокие, плотные (не толстые, а коренастые), круглолицые и симпатичные. Этикие хоббиты. Техническая интеллигенция, советский средний класс.

Мне они казались аналогом семейства Стоговых из школьного учебника английского языка. *Май фазер из инженер, май мазер из тича, ви хэв э кэт.* Примерно так все и было, только у Корнейчуков фазер был тичером (преподавал в каком-то институте), а мазер, напротив, инженером. «Э кэт» тоже имелся. Рыжий, кастрированный. В коммунальный коридор его не выпускали, и правильно делали. Дочки учились в престижной английской школе (попали туда не *по благу*, а по месту жительства, так уж повезло) и были там отличницами, на зависть пристроенным туда за деньги и бытовые услуги одноклассникам.

...Все у них было как у людей. Почти идеально. В кухне готовилась вкусная еда (холодильник закрывался на специальный навесной замочек), в уборной от них оставались газеты с программой телевидения, где галочками помечались фильмы, выбранные для семейного просмотра. Миша

не курил, выпивал только по праздникам. По праздникам же неистово пах одеколоном, словно бы выливал на себя полфлакона зараз. У Милы была шуба, которую та надевала несколько раз в сезон, по торжественным, как я понимаю, случаям. Еще у нее была губная помада сдержанного розового цвета. Иного макияжа Мила себе не позволяла. Дочек Корнейчуки держали в строгости. Никакого тебе гламура, хоть и восьмидесятые на дворе. Все серенькое, коричневое, бурое, длиной до колена, туфельки из Детского Мира. С другой стороны, на какие шиши, интересно, гламур разводить? Советскому среднему классу уже в ту пору не до жиру было.

На фоне нашей коммуналки это сверхобычное семейство приобретало, надо сказать, монструозные черты и людоедские повадки. Без них мы были бы вполне безобидным сообществом законченных психов и мирно варились бы в собственном соку. Но несчастные Корнейчуки ощущали себя (вполне справедливо, думаю мне) безвинными жертвами коммунального ада. Они не могли примириться с действительностью. Они с нею боролись.

Поскольку действительностью были в первую очередь мы, соседи, то и боролись Корнейчуки, понятно, именно с нами. Они заваливали жалобным спамом карательные органы, требовали убрать нас, уродов, из их нормальной, интеллигентной вполне, жизни.

Большинство писем было посвящено соседям, обитавшим за стенами квартиры Корнейчуков: алкоголику Диме и наркоману Лене Королю. Корнейчуки требовали отправить их в ЛТП и там излечить: Диму – от алкоголизма, а Леню, соответственно, от наркомании. Хитрость состояла в том, что в те времена человека, отсутствующего по месту жительства более полугода, можно было лишить прописки. Корнейчуки рассчитывали, что смогут подсуетиться и занять соседскую жилплощадь. Из этих же, как я понимаю, соображений из города Челябинска была выписана мама Милы. С ее появлением приготовление пищи на коммунальной кухне стало непрерывным процессом: бабушка появлялась там в семь утра и сваливала только после семи вечера.

С чужой жилплощадью ничего у Корнейчуков, понятно, не вышло, но нервы они своей писаниной всем изрядно испортили. Особенно, конечно, наркоману Лене. Алкоголика Диму почти не трогали: кто ж одинокого советского мужчину пенсионного возраста на полном серьезе от пьянства лечить стал бы? То-то же.

Поскольку у нас с Корнейчуками была общая кухонная плита, мне тоже пару раз довелось выступить в роли мирового зла. Участковый милиционер даже любезно показал мне соседское письмо. Там говорилось, что я нигде не работаю и содержу притон.

От расправы меня спасла перестройка. Тунеядством советских граждан тогда уже никто всерьез не интересовался, а притон у меня был, ясное дело, курам на смех: ну, сидели постоянно в гостях какие-то невнятные личности божьего вида – а толку-то. Все больше разговоры разговаривали, сексом занимались редко и как-то застенчиво, а пьянствовали вполне интеллигентно – если, конечно, смотреть на это дело с точки зрения притоносодержателя. Даже топором ни разу никого не зарубили – фуфло, словом, а не притон.

Из всего вышесказанного ясно, что наша с Корнейчуками обоюдная ненависть в те годы не поддавалась описанию.

Мне довелось попасть в эту квартиру в самом начале девяностых.

Коммуналка приобрела совсем уж печальный вид. На кухне курил мой бывший сосед Миша. Он осунулся, постарел; от него не пахло одеколоном, зато ощутимо пахло вином, хотя день был совсем не праздничный.

Увидев меня, Миша совсем не удивился. Даже не поздравившись, спросил: «Вы Юленьку мою помните?»

Юленька – старшая дочка, миниатюрная копия мамы. Конечно, помню, что ж не помнить-то.

Оказалось, Юленька в прошлом году закончила школу с медалью, сдала экзамены в какой-то институт и тем же летом

погибла в автомобильной аварии. Водитель и остальные пассажиры отделались царапинами и синяками – вроде бы так.

Что тут скажешь?

У меня, во всяком случае, слов не нашлось. Нашлось только молчание, да и того хватило ненадолго. Но, по крайней мере, мы с Мишей молча покурили на кухне, минут пять. У меня глаза были на мокром месте – и не потому что смерть (я не знаю, что бывает после смерти, и не могу считать ее безусловным злом), а просто потому что мой бывший сосед Миша больше не круглый, не важный, не румяный, а такой растерянный, тихий, бледный, сдувшийся шарик. Потому что грязная, сочащаяся остатками фарша мясорубка на их кухонном столе – не просто полезный бытовой прибор, а символ, да. Хотя, конечно, излишне прямолинейный – так мне тогда думалось.

Миша еще что-то рассказывал про работу, про то, что денег не хватает, про школьные успехи второй дочки, у которой, наверное, тоже будет медаль, и такая выросла красавица, ну и Мила «потихонечку», и бабушка еще держится, и вот котенка взяли, серенького, полосатого...

Мне хотелось закричать, но так, понятно, было бы слишком просто.

Потом мне нужно было уходить. Мы стали прощаться.
– Вы извините, – сказал вдруг Миша, – если раньше что-

то не так. Мы же не понимали, как художники живут.

Про Лизавету Мироновну

Лизавета Мироновна, которую все прочие обитатели коммунальной квартиры именовали не иначе как «баба Лиза», занимала длинную узкую комнату с одним окном в дальнем конце коридора. Она находилась на той стадии жизненного пути, когда дела земные все еще волнуют сердце, но для их решения уже используется какая-то иная (возможно, небесная) логика. Иными словами, она пребывала в глубоком маразме. Но образ жизни вела весьма активный.

Она была очень стара или, по крайней мере, казалась очень старой. Ее сыну, который часто приносил бабушке продукты, было явно за пятьдесят. Сына баба Лиза то ли не узнавала, то ли просто не очень любила, поэтому обычно ему приходилось оставлять продукты в коридоре, под дверью: в комнату его почти никогда не пускали.

Лизавета Мироновна обычно открывалась радостям жизни по ночам. Около полуночи она обычно начинала играть на пианино. Иногда музицирование сопровождалось пением, но голос у бабушки был слабый, поэтому получалось не очень ужасно.

Коронным номером бабы Лизы был поход в уборную. Это

больше похоже на глупый анекдот, чем на правду, но в контексте этого анекдота всем нам приходилось существовать изо дня в день.

Наша коммунальная уборная, надо сказать, имела небольшое окно, выходящее в душевую. Вернее, в помещение, которое когда-то было душевой. По назначению его не использовали уже много лет, поскольку горячей воды в квартире все равно не было, а холодная случалась так редко, что мы воспринимали ее как милость небес. Поэтому в душевой держали старые тазы, ведра, потрескавшиеся стульчаки и прочую бытовую дрянь. Там же стояло огромное общее корыто с водой, чтобы сливать в туалете.

Так вот, больше всего на свете Лизавета Мироновна боялась, что кто-нибудь станет подсматривать за нею из душевой в это самое окошечко.

Поэтому всякий ее визит в уборную начинался с обхода соседей. Если чья-нибудь лампочка в туалете горела, она просила погасить свет. Если лампочка не горела, она просто предупреждала, чтобы свет в ближайшее время не включали. Причем Лизавета Мироновна отличалась редким упорством: она могла стучать в соседскую дверь часами, если ей по какой-то причине казалось, что сосед есть дома, но не хочет ей открывать. Хуже всего, если ей не открывал сосед, чья туалетная лампочка в этот момент горела: тут начинались

вой, визг и метание особо тяжких предметов (наиболее часто летало по коммунальному коридору ведро с водой).

Уладив наконец вопрос с затемнением, баба Лиза отправлялась в туалет.

Но сидеть там в полной темноте, ей, видимо, было страшно. Поэтому она оставляла дверь открытой. То есть не просто приоткрытой, а распахнутой настежь. Мои гости, когда им случалось впервые увидеть бабу Лизу на унитазе, почему-то страшно пугались. На мой-то взгляд, ничего особенного: ну старуха, ну срет – подумаешь...

Но люди, можно сказать, в обмороки падали и даже пить на какое-то время зарекались. Потом, правда, привыкали. Некоторые даже прикипали душой к этому поучительному зрелищу.

Остается добавить, что старушка сидела в уборной подолгу. Иногда она там даже засыпала. Но желающих отнести ее в комнату на руках, или, тем паче, разбудить, на моей памяти, не было.

В свободное от оккупации туалета время Лизавета Мионовна любила готовить пищу. Делала это она тоже по ночам, на своей кухне. Кухня у нее была отдельная, но при этом соседствовала с общей кастрюльной территорией. Зато запиралась на ключ. Ключ баба Лиза, надо сказать, часто теряла и опять же ломилась ко всем соседям, требуя принять уча-

стие в поисках. Иногда она вызывала милицию, жаловалась, что у нее украли ключ. Но менты бабу Лизу знали и поэтому не приезжали, за что им, ежели читают сейчас мои записки, большое человеческое спасибо.

Пищу Лизавета Мироновна готовила, судя по запахам, вкусную. То есть кулинарный ее талант не был поврежден злодейским временем. Но удивляло меня не предполагаемое качество еды, а ее очевидное количество. Еды баба Лиза готовила столько, словно ей было нужно накормить как минимум пятерых гостей. Приготовив, уносила к себе в комнату. Несколько блюд: салаты, закуски, горячее и непременно пирог какой-нибудь или другой десерт. Но чаще все же пирог.

Дальше начиналась сущая мистика. Примерно через час баба Лиза несла на кухню грязную посуду. Опустошенные блюда, миски и кастрюли плюс несколько грязных тарелок. Ну и всякие там вилки-ножи. Это выглядело так, словно у нее в комнате действительно сидели прожорливые гости. Но там, понятно, никого не было.

Мы с друзьями не раз наблюдали это зрелище и в конце концов решили, что баба Лиза кормит окрестных домовых. Ну или суккубов-инкубов соседских, усталых. У нас была гипотеза, что маразм Лизаветы Мироновны столь глубок и светел, что чудесные существа не стесняются ей показываться. И пищей ее, вполне, впрочем, материальной, не брезгают. Иных объяснений мы так и не изобрели.

Еще она, конечно, целыми днями громко сама с собой разговаривала. Боялась мышей; один раз наткнулась на меня в коридоре и заорала: «Мышь!» Потом убежала.

В другой раз завела со мною светскую беседу. Сказала, что прекрасно меня знает, что дедушка мой при румынах держал бакалейную лавку⁴, и меня она там видела, совсем ребенком. Просила передавать дедушке привет.

Иногда Лизавета Мироновна начинала одеваться и прихорашиваться. Говорила всем, что пойдет гулять на бульвар. Одевшись, стучалась к соседям: просила присматривать за ее комнатой, пока она будет гулять. Мы, ясное дело, обещали.

Одевшись (многослойно, на манер знатных средневековых японцев), намазав губы и украсив кудри матерчатыми розами, старушка снова выходила в коммунальный коридор. Несколько раз медленно, с достоинством его пересекала и удалялась обратно, в комнату.

В такие дни мы получали передышку: утомившись «прогулкой по бульвару», баба Лиза ночью спала как убитая.

Соседи часто советовали ей пойти погулять, в надежде на такое послабление, но она поджимала губы: «Погода плохая, не пойду». То есть манипулировать ее поведением было невозможно.

⁴ Увы, не держал.

Лизавета Мироновна, понятно, давным-давно умерла. Приходил ее пожилой сын, забирал какие-то вещи. Попросил помочь: кажется, нужно было стремянку поддержать, пока он что-то сверху, с антресолей выгребал. Получив помощь, расчувствовался, показал фотографию не слишком юной, но вполне интересной дамы с младенцем на руках: дескать, это я с мамой. Объяснил: я – поздний ребенок. Баба Лиза наша, оказывается, вела в молодости богемную жизнь. То ли пела в оперетте, то ли просто билеты там продавала. И только уже после тридцати завела ребеночка (тогда это считалось очень поздно). То есть умерла она, надо понимать, лет в девяносто.

Комната ее при мне оставалась пустой, а что было дальше – не знаю.

Из сборника «Книга страха»

От автора

На протяжении многих лет все или почти все мои рассказы создавались для разных ФРАМовских сборников. Очень удачно вышло, что десять с лишним лет назад у меня появился повод регулярно писать рассказы, и мне очень нравится, что из этого в итоге получилось. «Большая телега» и совсем новые «Сказки старого Вильнюса», первая часть будущего огромного (потому что в центре Вильнюса оказалось целых 108 улиц) трех или даже четырехтомного цикла – пожалуй, лучшие мои книги на сегодняшний день. Никогда не знаешь, где тебе повезет.

Идея сделать сборник историй о страхе пришла мне в голову в идеальной ситуации – ночью, в поезде, следующем из Вильнюса в Петербург. В полном соответствии с законами жанра, за окном бушевала гроза, а в полутемном коридоре гремели опустошенной тарой призраки пассажиров, безвременно погибших от дорожного пьянства. Впрочем, сборник

вышел, на мой взгляд, довольно неудачный, в нем нет цельности и симфоничности, т. е. собранные вместе тексты не звучат как единое целое. Для сборника это огромный недостаток.

Зато специально для «Книги Страха» многие авторы написали отличные тексты, а я – «Sweet plum», безусловно самый страшный из моих рассказов.

Sweet plum⁵

Когда я сказал: «Поедем автостопом», – Лара и бровью не повела. Зато утром, когда я подогнал к подъезду древний «гольф» цвета разлитой ртути, вздохнула почти разочарованно:

- Так и знала, что врешь про автостоп.
- Это, увидишь, будет самый настоящий автостоп. Программа такая: мы едем, едем, едем в далекие края, до тех

⁵ Рассказ «Sweet plum» был написан в конце 2007 года специально для ФРАМовского сборника «Книга страха». Это очень «одесский» рассказ, то есть история про ту Одессу, которую я хорошо знаю, город, сформировавший меня по своему образу и подобию, нравится мне это или нет. Моя Одесса – не знакомая всем по книгам и кинофильмам «жемчужина у моря», населенная загорелыми носителями неправильной, но колоритной речи. Не Привоз, Юморина, Дерибасовская, Молдаванка, шаланды-полные-кефали, посмотреть на Дюка-с-люка и какие там еще культурные штампы лежат у нас на поверхности. О поверхности сейчас вообще речи нет. Моя Одесса – это, в первую очередь, человеческое поселение у Черного (действительно очень темного даже в солнечную погоду) моря; пыльный южный город, под которым пролегал, в общей сложности, около трех тысяч километров подземных коридоров – знаменитые одесские катакомбы. Даже приблизительная топография этого многоуровневого подземного лабиринта на сегодняшний день неизвестна (и это вряд ли когда-нибудь изменится, попомните мои слова). Примерно то же самое можно сказать об одесских проходных дворах в центре города, некоторых старых домах и коммунальных квартирах. И о некоторых местных жителях; о них (о нас), впрочем, лучше вообще помалкивать. Если бы у меня хватило мужества (и мастерства) написать настоящие «Одесские рассказы», редкий читатель добирался бы до конца этой книги, сохранив способность засыпать, не включив свет во всем доме

пор, пока что-нибудь не сломается. Потом полдня кукуем на обочине, ждем доброго самаритянина, который дотащит нас на буксире до ближайшего автосервиса; пока машину чинят – осматриваем окрестные достопримечательности. Чем серьезней поломка, тем больше успеем увидеть. Правда я здорово придумал?

– Ничего себе лотерея. А вдруг не сломается? Тогда, что ли, так и будем ехать без остановок, как глупые дураки?

– Ну да, *к последнему морю*. Но это, знаешь, маловероятно. Машина восемьдесят шестого года.

– Практически ровесница фараонов.

– Вот именно. Причем я, судя по всему, первый владелец, который не испытывает к ней лютой ненависти. Во всяком случае, мой предшественник, добрейшей души человек, в жизни ни с кем, кроме телевизора, не поругался – так вот, даже он бил это бедное животное ногами за малейшую провинность; говорил, что хуже уже все равно не будет. Он, скажу тебе по секрету, заблуждался. Хуже теоретически возможно. Но маловероятно, чего уж там.

– Да, это меняет дело. Автостопом ехать любой дурак может. А такой эстрим только для крутых рейнджеров и законченных придурков вроде нас.

– Вот и я так рассудил. Тем более, что эту бедолагу не жалко заправлять богомерзкими отходами алхимических опытов, которые в причерноморских степях выдают за бензин.

– Вот. Это уже как-то похоже на правду, – ухмыльнулась

Лара. – Ты – скупой и расчетливый буржуа, прикинувшийся романтическим вагабондом. Я это предвидела; скажу больше, в глубине души я на это надеялась. Только чур вести будем по очереди, – почти сердито добавила она. – Я тоже желаю насладиться этим увечным железным телом.

– От таких великодушных предложений, Лариса Сергеевна, настоящие джентльмены в здравом уме не отказываются, – и я проворно распахнул перед ней водительскую дверь. – Чур ты первая. Я еще не проснулся.

Лара просияла. Немного повозилась с креслом, подвигала его туда-сюда, поправила зеркала, медленно вырулила на подъездную дорожку, попятилась, пробуя заднюю передачу, умиротворенно вздохнула: «Ладно, будем считать, разобрались», – и мы поехали.

Это путешествие я замыслил еще зимой, обнаружив, что дела не дают мне улизнуть от московской слякотной стужи. Вообще-то до сих пор я предпочитал полагаться в таких делах на импровизацию, но зимние ночи почти бесконечны, а сладкие планы на будущее лето – самое эффективное и безвредное снотворное, от такого времяпровождения даже похмелья не бывает, поэтому я успел распланировать свою «крымскую кампанию» до мельчайших деталей. Решил, что это будет долгое, неторопливое путешествие на древней по-мойке, которая за долгие годы небезупречной службы приобрела в семье прежнего владельца статус родового проклятия.

У этой археологической редкости было одно неоспоримое преимущество перед любым другим доступным мне транспортным средством: в случае чего, ее абсолютно не жалко, так что и тревожиться не о чем. Недостаток комфорта – невысокая плата за безмятежность, по крайней мере, для человека, вроде меня, чуть ли не от рождения наделенного сомнительным даром заранее просчитывать и предупреждать все возможные неприятности. Дрянная машина, дрянные штаны и минимум наличности – вот залог полноценного отдыха, мне так всегда казалось.

Разобравшись с приоритетами, я сочинил примерно трехкилометровый плейлист, выбрал две дюжины книг для пляжного чтения, после некоторых колебаний мысленно положил в рюкзак камеру, маску, ласты и две пары темных очков или даже три, потому что одну из них я непременно потеряю на третий примерно день, а вторую – ближе к концу отпуска. Составил дивное дорожное меню: гора бутербродов с сыром, идеальная еда для путешествия: чем дольше лежат они на жаре, тем вкуснее становятся. И сливовых самокруток надо будет наvertеть побольше, про запас, чтобы не останавливаться потом на обочине ради каждого перекура. И лайм заранее выдавить в каждую бутылку с водой, и два литровых термоса с кофе, непременно два, потому что я прожил очень долгую жизнь, целых тридцать шесть лет, и твердо знаю: один литр кофе – это катастрофически мало.

В феврале ударили лютые морозы, а работы у нас с Мишелем прибавилось, так что даже в Египет какой-нибудь на неделю сбежать от холодов не удалось, и мне понемногу стало казаться, что все эти прекрасные штуки – лето, Одесса, Кинбурнская коса и Крым, даже расплавленные солнцем бутерброды с сыром – существуют только в моем воображении. Но я твердо знал, что если вера моя будет крепка, они своевременно материализуются, сбудутся и превзойдут все ожидания, как бывало уже не раз.

А еще через месяц, в марте, я познакомился с Ларой, и это событие, как принято говорить в таких случаях, перевернуло мою жизнь, но в планы на лето оно не внесло никаких изменений, кроме разве что числа бутербродов и термосов. Даже плейлист перекраивать не пришлось, наши музыкальные пристрастия полностью совпали, а на такую удачу я, честно говоря, рассчитывал куда меньше, чем на возможную встречу с инопланетянами, в скорое пришествие которых окончательно перестал верить еще в девятом, кажется, классе.

Сцепление полетело на окраине Одессы, где я в любом случае планировал задержаться. Вообще это прискорбное происшествие с самого начала подозрительно смахивало на удачу: не прошло и минуты, как у меня за спиной появился ангел-хранитель, смуглый, седой и неопохмеленный. Ангел назывался дядя-вася, в кармане его ветхих штанов небесной флейтой заливался древний мобильный телефон «мото-

ролла» весом в добрых полтора кило, а в телефоне задушевно материлось дяди-васино земное начальство. «Тихо, ша, — снисходительно говорил начальству наш ангел, — слушай сюда, у меня тут клиент на иномарке, с шикарной дамой, так что хватай какой-нибудь канат и давай до нас». Мы с Ларой опомниться не успели, как оказались в автосервисе, откуда нашего ангела-хранителя уже давно грозились выгнать взащей за пристрастие к божемному образу жизни, да так и не собрались — на наше счастье. Вознаградив дядю-васю комком мятых гривен, а его усталого, но обнадеживающе трезвого начальника авансом и обещанием приплатить за срочность, я закинул на плечо полупустой рюкзак с чистым бельем и зубными щетками; в ближайшем раскаленном киоске мы обзавелись подробной картой местности и отправились к морю, скупая все персики и помидоры на своем пути, счастливые, замурзанные, хлюпающие соком великовозрастные балбесы, идеальная пара, ничего не скажешь.

Если верить карте, до моря было сантиметров пять, не больше, однако мы шли целых два с половиной часа, палимые бледным от злости послеполуденным солнцем. Но вместо усталости испытывали только нарастающее возбуждение и азарт, словно бы на берегу нас ждали не ребристые топчаны и убогие пляжные шалманы, а как минимум парадный вход в волшебную страну. Наконец пришли, рухнули на раскаленный песок, перевели дух, переглянулись и одновремен-

но рассмеялись — от полноты чувств.

— ...Слушай, — сказал я после того, как мы, заново рожденные, мокрые и обессиленные, вышли из моря. — Я тебя сейчас разочарую, причем два раза подряд. Переживешь?

— Это пойдет мне на пользу, — заверила меня Лара. — А то что-то я в последнее время какая-то чересчур очарованная, добром это не кончится.

— Будем надеяться, это вообще ничем не кончится. Ни добром, ни злом — в смысле просто не кончится и все.

— Конечно, не кончится, еще чего не хватало. Давай, разочаровывай, не томи.

— Во-первых, я вовсе не такой прекрасный романтический придурок, каким стараюсь казаться. А скучный, предусмотрительный хмырь. Все это время делал вид, будто мы несемся на крыльях судьбы навстречу неведомым приключениям, а сам решил, что в Одессе надо будет задержаться дней на пять и заранее договорился насчет жилья. Здесь отличные квартиры-гостиницы, по-моему, полгорода этим бизнесом живет. Нас ждет однокомнатная квартира с огромной кухней, на тихой улице, до моря десять минут пешком, белые стены, синий потолок и такие же синие простыни, пропахшие лавандой — я почему знаю, я там уже останавливался в декабре, когда по делам сюда ездил, и в прошлом году весной тоже; в общем, это совершенно неважно, главное — место проверенное, тебе понравится.

— Ну, честно говоря, я так и подумала, что у тебя все схва-

чено. Так что, если хочешь меня разочаровать, осталась еще одна попытка. Но, боюсь, ничего не получится.

– Зря сомневаешься. Надо верить в безграничные возможности человека. Я, видишь ли, плохо рассчитал дату прибытия. Все с самого начала складывалось подозрительно удачно: ты согласилась подменять меня за рулем, мы так и не заглохли посреди степи, очередь на границе была меньше, чем обычно, нас даже за превышение скорости ни разу не остановили. В итоге мы с тобой приехали почти на целые сутки раньше. Квартира освободится только завтра в полдень. И где мы будем ночевать сегодня, я, честно говоря, пока не понимаю. Можно, конечно, позвонить Ольге, в смысле хозяйке, вдруг предыдущие жильцы раньше уехали. Она этих квартир штук десять сдает или даже больше. А если у нее ничего нет, обзвоню гостиницы, тут на карте, видишь, реклама с телефонами... Но надо понимать, что шансов у нас почти никаких. Начало августа все-таки.

– Ты давай, звони, – поразмыслив, сказала Лара. – Хозяйке и вообще всем. Свободный номер в разгар сезона – так, конечно, не бывает. Но мало ли. А в случае чего, пойдем на вокзал. Там бабушки.

– Бабушки, – задумчиво повторил я. – На вокзале. Бабушки, значит. – И тут меня наконец осенило. – А, с картонками?

– Ну да. Мрачный клоповник по сходной цене, специально для неприхотливых пассажиров плацкартных вагонов. Ничего, одну ночь продержимся как-нибудь. Я так точно бу-

ду спать как убитая, с нежностью прижимая к груди самого крупного клопа, как плюшевого мишку.

– Ужасы какие ты рассказываешь, – вздохнул я и потянулся за телефоном.

Предчувствия меня не обманули. Ольга, высоко ценившая меня за редкую для ее постояльцев готовность самостоятельно заменять перегоревшие лампочки и феноменальную непригодность к хищению хозяйской туалетной бумаги, чуть не плакала, но ничем не могла помочь: нынешние жильцы раньше завтрашнего утра с места не двинутся, а остальные квартиры заняты до конца августа, и ее собственный дом, как назло, под завязку забит родственниками, даже в садовой беседке спит племянник из Новосибирска. Обещала расспросить коллег и перезвонить, если что-то найдется, но на это я, честно говоря, не слишком рассчитывал. На ее месте я бы и сам трижды подумал прежде, чем постоянного клиента к конкурентам отправлять: а вдруг мне там понравится?

Обзвон гостиниц тоже ни к чему не привел. Лара тем временем доплыла до волнореза и теперь бродила туда-сюда, по воде аки посуху, то и дело поворачиваясь лицом к берегу и приветственно размахивая руками – для меня. Но желанного терапевтического эффекта ее пантомима не возымела, я стремительно впадал в уныние. Приключения, кто бы спорил, дело хорошее, а привокзальные старушки с картонками, надо думать, прелюбопытнейшие человеческие экземпляры,

и все-таки ночь в съёмном клоповнике — не совсем то, что требуется усталым героям, только что преодолевшим тысячу с лишним километров на сомнительном, прямо скажем, транспортном средстве.

Однако, когда Лара вернулась на берег, мокрая и счастливая, я незамедлительно воспрянул духом, она всегда на меня так действует, и, честно говоря, не только она. Наедине с собой я угрюм и малодушен, но стоит появиться хотя бы одному заинтересованному зрителю, и я дивным образом преображаюсь, всегда так было, сколько себя помню, а уж ради Лары и вовсе грех не расстараться. Вот и теперь встряхнулся, сказал ей жизнерадостно: нас никто не любит, потому что все дураки, а все-таки быть не может, чтобы мы — и вдруг остались без крова. Не для того мы на свет родились, чтобы пропасть пропадом в прекрасном южном городе, в самый разгар пляжного сезона, меньше чем за сутки до обретения лавандовых простыней. Вперед, скомандовал я, на вокзал, да здравствуют бабки с картонками, наверняка одна из них окажется вдовствующей графиней и сдаст нам фамильный особняк, где по коридорам вместо тараканов бродят призраки невинноубиенных злодеев, от которых всего-то беспокойства — деликатный перезвон невидимых оков, тоже мне великое горе, нас после такого дня из пушки не разбудишь; короче, переживем. Пошли.

Мы сверились с картой, убедились, что от железнодорожного вокзала нас отделяют какие-то несчастные три санти-

метра, приободрились, оделись и отправились в путь. Мироздание, изумленное нашей стойкостью, озадаченно поскребло в затылке и решило ниспослать нам награду. Мы еще от пляжа толком не отошли, когда телефон в моем кармане заурчал, завибрировал и, наконец, запел голосом Макса Раабе. «Oops! I did it again!» Я поспешно ткнул трубкой в ухо, и услышал торопливую скороговорку Ольги – а я-то, дурак, на нее не надеялся.

– Нашла я вам жилье, перезвоните мне прямо сейчас, а то с нашими тарифами по московскому номеру очень дорого говорить.

– Ага, – согласился я, все еще не веря своему счастью.

– О, – сказала Лара, – ооооо! Я правильно понимаю, что у нас уже есть ночлег?

– Похоже, есть, – кивнул я, усаживаясь на сизую от солнца и пыли траву.

Ненавижу говорить по телефону на ходу; впрочем, будь моя воля, я бы вообще никогда, ни с кем по телефону не разговаривал, писал бы эсэмэски и горя не знал бы, но если устроиться поудобнее, да еще и закурить, процесс общения с невидимым собеседником начинает казаться более-менее терпимым.

– Ты – без пяти минут доброе божество! – объявила Лара.

– А почему «без пяти минут»? – рассеянно переспросил я, нажимая кнопку вызова.

– Потому что через пять минут ты им натурально станешь.

Сразу после того, как узнаешь адрес. Имей в виду, я согласна на все, включая дворовой клозет, лишь бы вотпрямщас. Как-то вдруг сразу ужасно устала.

– Так часто после моря бывает, – кивнул я. – Отходишь от воды метров на двести, и вдруг раз – и срубает. А мы с тобой еще всю ночь ехали, а потом в самый солнцепек через весь город брели зачем-то... Ага, пошли гудки, сейчас мы все узнаем.

– Значит, ситуация такая, – деловито сказала Ольга. – У моей мамы есть подружка, тетя Лида. У тети Лиды был сын Паша, умер зимой. От него осталась отдельная квартира, все удобства, окна во двор, от Дерибасовской буквально в двух шагах. Я это помещение хорошо знаю, тетя Лида его сдавать хочет, понятно, что через меня, но там сначала ремонт надо сделать, я и собираюсь – осенью. А пока хата, конечно, страшная: все-таки мужчина жил один, нездоровый и, насколько я знаю, сильно пьющий... Нет, теперь там все вымыто-вылизано, ни грязи, ни запаха, ни насекомых, но потолок – аж черный, и стены не лучше, и плитка в ванной посыпалась, и в комнате люстры нет, только настольная лампа. И ни телевизора, ни музыкального центра тоже нет. Но окна не битые, дверь запирается, по крайней мере, один из трех замков там точно целый, вода идет, и колонка работает, я проверяла.

– Если чисто и без запаха, все в порядке, – поспешно ска-

зал я. — Это же на одну ночь. Мы сразу упадем и уснем. Хоть на полу.

— Ну зачем на полу, диван там есть, — успокоила меня Ольга. — Тетя Лида чистое белье принесет, постелет. Вы, главное, не бойтесь, Пашка не на этом диване умер, и вообще не в квартире, я точно знаю, — поспешно добавила она.

Вот что-что, а это мне точно было до одного места. Мало ли, кто где умер. Подумаешь — умер. В конце концов, все мы здесь, можно сказать, именно для этого и собрались. Но возражать Ольге я не стал. И пересказывать Ларе все эти душещипательные подробности — тоже. На всякий случай. А то придет к ней во сне призрак мертвого пьяницы, станет клянчить на бутылку — зачем нам, спрашивается, такое развлечение?

— Спасительница вы наша, — сказал я Ольге. — С меня причитается. Придумаю что-нибудь.

— Ой, да ладно! — отмахнулась она. Но по голосу было слышно, что обрадовалась обещанию, теперь главное не забыть бы, а то некрасиво получится.

— Теперь так, — говорила Ольга. — Тетя Лида хотела с вас за ночлег взять десять евро, а я ей сказала, чтобы брала двадцать, а завтра с вас еще десятку возьму, как посредник. Вы уж не сердчайте, оно столько стоит. Хата, конечно, страшная, но сейчас самый сезон, так что беру по-божески, дешевле вам только комнату на Слободке сдадут, и хорошо, если без хозяйских курей. Да, только смотрите, больше ей тоже не да-

вайте. Даже и не думайте, а то вы старушку пожалеете, разбалууете, а мне с ней еще работать.

– Нет проблем, – согласился я. – Как скажете. Куда ехать за ключами?

– А прямо туда. Это улица Маяковского, где Горсад.

– Знаю, начинается от Дерибасовской, там еще ресторан на углу, «Стейк-хаус», кажется.

– Правильно, бывший овощной. А дальше совсем просто. Идете прямо, по той стороне, где ресторан, метров двести, не больше, видите седьмой номер, заходите в арку, попадаете во двор и смотрите по сторонам. Если увидите старушку во всем черном, как из старого фильма про Сицилию, с Моникой Витти... А! Точно! «Не промахнись, Асунта», так он назывался. Так вот, она и есть тетя Лида. А если ее там нет, звоните мне, что-нибудь придумаю. Но вообще она обещала, что минут через десять-пятнадцать там будет.

– За пятнадцать минут мы сами можем не успеть, – честно сказал я. – Нам еще от моря наверх подниматься и такси ловить.

– Ничего, она подождет, – заверила меня Ольга. – Сколько надо, столько и подождет. В общем, вы устраивайтесь, отдыхайте, а завтра после двенадцати я вас жду на Энгельса. Ну, мы еще созвонимся.

– Конечно, созвонимся, – согласился я. – Спасибо вам. Правда, такое спасибо!

От избытка чувств я сгреб Лару в охапку и немножко по-

кружил, но быстро одумался и аккуратно поставил ее на землю. Не до молодецкой удали сейчас, все-таки я здорово перегрелся, до красного тумана в глазах, хорош буду, если сваюсь на полдороге, джигит.

– Голову все-таки надо чем-нибудь прикрывать, – Лара заметила, что я едва устоял на ногах. – В соломенных шляпах у нас с тобой будет дурацкий вид, но мудрое человечество это учло и предусмотрительно изобрело банданы. И бейсболки. Которые мы все равно почему-то не носим... А мы, что ли, правда будем жить на Дерибасовской?

– Почти. В двухстах метрах от нее, если верить нашей хозяйке. Но это всего одну ночь, не забывай. Завтра переберемся поближе к морю.

– Все равно круто. Это же все равно что приехать, скажем, в Питер и не найти ночлега нигде, кроме как на крейсере «Аврора».

– Примерно так, – согласился я. – Пошли искать такси.

Дом номер семь по улице Маяковского оказался на редкость унылым трехэтажным строением свинцово-серого цвета, а ведущая во двор арка, уставленная благоуханными мусорными контейнерами, могла бы на равных состязаться с питерскими подворотнями за гордое звание самого гнилого дупла всех времен. Двор, прямо скажем, не разрушил первоначальное впечатление. В отличие от всех известных мне одесских дворов, зеленых, шумных, до отка-

за заполненных детьми, котами, старушками, доминошниками, мальвами, собачьим лаем, запахами еды и мокрым бельем, этот был пуст, тих и почти полностью заасфальтирован, только под некоторыми окнами зеленели микроскопические клумбы, засаженные цветными ромашками. Бельевые веревки были натянуты повсюду, но вместо традиционных пестрых футболок и цветастых простыней на них болтались бурые тряпки из мешковины и древний спортивный костюм цвета засушенной фиалки как минимум шестидесятого размера.

– Ну вот, мы все-таки первые пришли, – разочарованно вздохнула Лара.

В тот же миг из дальнего подъезда выкатился натуральный колобок. Обещанная сицилийская матрона в черном, казалось мне, непременно должна быть высокой, тощей и сутулой, даже согбенной, с косматыми седыми патлами и желательно бельмом на глазу, для пущего саспенса. Однако тетя Лида оказалась маленькой, толстой, румяной и очень приветливой с виду старушкой, ее черное платье-халат выглядело по-домашнему уютно, а на ногах сверкали остатками лака стоптанные красные босоножки.

– Это вы москвичи бездомные? – ласково спросила она.

Лара отвернулась и беззвучно заржала, прикрыв рот рукой, так что вести переговоры пришлось мне.

– Бездомные москвичи – это и есть мы. Нас Ольга прислала. Вы не очень долго ждали?

– Совсем не ждала. Только-только постель застелить успела и окна открыть, чтобы проветрилось. Идемте в хату, я вам все покажу.

Экскурсия по тесной, заставленной старой мебелью, заклеенной блеклыми зелеными обоями «хате» отняла минут пять, но оказалась весьма поучительной. Мы уяснили расположение выключателей, научились управляться с газовой колонкой и страшной, как пищеварительный тракт людоеда, плитой, на которой громоздился древний чайник, чей возраст, по моим приблизительным прикидкам, датировался ранним мезозоем, а форма и размеры заставляли вспомнить все телевизионные передачи о космических кораблях пришельцев, какие мне случалось смотреть. Преисполнившись житейской мудрости, мы отдали старушке деньги и наконец-то остались одни.

Лара тут же упала на диван, застеленный белоснежной, накрахмаленной до состояния черствого коржа простыней. Диван пронзительно завизжал. Лара подскочила от неожиданности; потом, конечно, заулыбалась.

– Ишь, не нравится ему, – удовлетворенно сказала она. – Такая прекрасная бабушка эта тетя Лида И такой прекрасный дом, страшный как чума. И такая прекрасная кошмарная квартира. И такой прекрасный скрипучий диван. Счастливее меня нет никого на этой земле. Я даже жрать захотела на радостях. Но никуда ни за что не пойду, так и знай.

– Ладно, пойду один, – решил я. – Принесу тебе, чего ду-

ша пожелает. Заказывай.

– Э, нет, так не пойдет! Ты, значит, будешь наслаждаться жизнью, шляясь по душным гастрономам, а я здесь в полном одиночестве – страдать от несовместимости цвета обоев с моими духовными идеалами?! – возмутилась Лара. – Каков подлец! Нет уж, лучше помоги мне доковылять до угла. Хороший стейк – это серьезная мотивация.

Вернулись мы уже затемно, едва живые от усталости, сытые как удавы и почти пьяные – скорее от еды и впечатлений, чем от двух бокалов «Шато Бешевель». В тусклом свете чужих кухонных окон двор показался нам еще более унылым, зато квартира от полумрака только выиграла, но мы не стали ее особо разглядывать – упали на диван и уснули прежде, чем умолкли его скандальные пружины.

Когда я проснулся, было темно. Голова раскалывалась, в рот, похоже, насрали тараканы, привычная тупая боль в желудке жить особо не мешала, зато от изжоги впору было лезть на стенку. Однако у стенки басовито всхрапывала Сергевна, дала банку вчера с кумой, теперь будет дрыхнуть до самого утра, ее, когда накинется, из пушки не разбудишь, и слава богу. Хоть сейчас никто мне сраку не морочит, не бухтит над ухом: «бу-бу-бу, бу-бу-бу», – и так целыми днями, как только сама от себя не устает. Она вообще ниче так, не злая, жрать готовит, убирается, и на морду смотреть даже в похмелье не страшно, но, е-мое, какая же нудная баба, ей

бы училкой в школе работать, а не на кассе сидеть. Ладно, в жопу Ларису Сергевну, сейчас важно другое – не уссаться.

Спустил ноги на пол, поискал тапки, не нашел, и хуй с ними, пошел босой, так приспичило, тут не до шуток. Воду сливать не стал: бутыль мы вчера вроде не набирали, пусть хоть в бачке будет запас, если на кухне нечего попить. Сушняк у меня – это что-то. Пустыня Каракумы, клуб кинопутешествий с Сенкевичем на верблюде – и все это в моей глотке, включая верблюжачье говно, а я-то, дурной, гадаю, что у меня там сдохло.

Пошел на кухню, открыл холодильник. Пива, конечно, нет – сам дурак, не заначил. А в кастрюле у нас что? Ага, компот из вишни, точно, Сергевна же вчера сварила. Надо будет ей оставить на утро хотя бы кружечку, а то развоняется... Мать моя женщина, зачем было столько сахара сыпать?! У меня щас срака слипнется от такого компота, хуже, чем от варенья. А потом она еще удивляется, что ни в одни джинсы не влезает, и я в свои скоро не влезу от такой жизни.

Но полкастрюли приторного пойла я все-таки выдул залпом, сушняк – дело нешуточное. Стало полегче, даже голова чуть-чуть отпустила, и тут же захотелось курить. На столе папирос не было, у меня в штанах тоже, зато у Сергевны в сумке нашлось полпачки LM, она у меня запасливая, молодец.

Я открыл кухонное окно, по пояс высунулся наружу – темно, как у негра в жопе, хоть бы одно окно горело, так нет же,

все дрыхнут, и ни луны, ни звезд, небо обложило, может, к утру дождик начнется, хорошо бы, тогда можно на работу не ходить, кто ж лоток в дождь ставит. С другой стороны, дома до вечера сидеть задолбаает, и пару копеек не помешало бы... А, ладно. Как будет, так и будет, меня все равно не спросят.

Я закурил и удивился непривычному вкусу сигареты. Противная какая-то, как говном набита. Странно вообще, потому что раньше Ларискины сигареты мне нравились, я-то себе обычно папиросы покупаю, они покрепче, но LM у нее тоже таскаю понемногу – побаловаться, особенно с похмелья... Нет, ну все-таки какое говно! Я сплюнул и снова затянулся вонючим дымом. Не выбрасывать же теперь. Чего добро переводить.

После третьей затяжки я смутно почувствовал неладное. Словно бы сейчас случится что-то такое, чего мне совсем не надо. Ну, то ли кто-то камень в окно бросит, то ли в дверь ломиться начнут. Но ничего, как было тихо-спокойно, так и осталось, даже Сергевна не проснулась, я так и не понял, почему перестремался.

А после четвертой затяжки я наконец врубился, почему мне не нравится сигарета. Вспомнил, что уже много лет не курил такое дерьмо. Я всегда покупаю табак – табак?! – с ароматом сливы и сигаретную бумагу, чтобы делать самокрутки, у меня еще машинка специальная, импортная, но я и руками могу... Нет, стоп. Что за хуйня? Какая, к японской матери, «машинка»?! Ну все, пиздец, допился.

Я услышал, как чужой, незнакомый голос говорит, по-бабьи взвизгивая от ужаса: «Свит плам. Экселент свит плам». Хуй знает, что это значит. Но звучит погано.

А потом до меня дошло, что эту тарабарщину говорю я сам, и голос, выходит – мой. И вот тогда мне стало по-настоящему страшно, так страшно, что я сел на пол и заскулил, как побитый пес. Вышло совсем уж жутко, так что я сразу же заткнулся и встал. Выбросил окурок в окно, пошел в коридор, включил свет, обшарил все карманы. В зимней куртке нашел наполовину выпотрошенную папиросу – и больше ничего. Ни табака, ни бумажек, ни, тем более, «машинки» – как, интересно, она хоть выглядит? В любом случае, ничего похожего на «машинку» ни в моих карманах, ни на трюмо не было.

Я вернулся на кухню и раскурил папиросу. От первой затяжки меня чуть не стошнило. «Заболеел, – подумал я. – Вот оно что, просто заболел. Отравился. Точно, Людка, кума, вчера горбушу в банке принесла, и я ее почти всю сам сожрал, пока девки картошку жарили, они еще обиделись, что им мало оставил. Ну да, точно, отравился, у меня сейчас, наверное, температура сорок и бред, хорошо хоть не белая горячка. «Экселент свит плам» – это ж надо такое выдумать».

Я почти успокоился, потому что отравиться – это хреново, но хоть, по крайней мере, все понятно, и тут вспомнил, как выглядит пачка табака «Excellent Sweet Plum». Темно-синяя, с белыми буквами, а уголок красный, тоже с над-

писью. Вспомнил, что «sweet plum» значит – «сладкая слива». Вспомнил, что раньше, несколько лет назад, мне больше нравился «cherry», вишневый, а потом я запал на сливу, и с тех пор... Бля! Какое еще «чери»? Какие «несколько лет»?! Ну, пиздец совсем.

Я чувствовал, что еще немного, и я вспомню *все остальное*. Понятия не имел, что это будет. Но откуда-то знал, что эти воспоминания камня на камне не оставят от моих представлений о себе. Другими словами, от меня самого. Хрен его знает, что это будет за мужик – тот, другой, которого тошнит от моих папирос. Но точно не я.

– Это же все равно что сдохнуть, – сказал я вслух. Сам себе не поверил, поэтому повторил: – Все равно что сдохнуть. – И так испугался, что заткнулся.

Молчание не пошло мне на пользу – в том смысле, что чужие воспоминания снова принялись шерудить у меня в голове. Я старался их не слушать, не обращать внимания, не верить, отвлекался как мог. Выпил еще компота. Зачем-то покрутил краны, но воды не было, ночью и не положено, в шесть утра пойдет. Тогда я пошел в туалет, зачерпнул немного воды из унитазного бачка и вылил себе на макушку. Все это помогало, но ненадолго. Чужие, назойливые воспоминания возвращались снова и снова, я знал, что мне против них не устоять – без бухла, так точно не устоять, а бухла в доме не было ни капли. Все выжрали вчера, так что я попал.

– Сбегать, что ли, на Софиевскую? – нерешительно сказал

я.

На Софиевской, в трех кварталах от нас, работал круглосуточный магазин, а у меня на такой случай были заначены десять гривен, так что вроде бы никаких проблем. Но выходить из дома я почему-то боялся даже больше, чем вспоминать про чужой табак. Квартира сейчас казалась мне чем-то вроде крабьего панциря – пока внутри, я худо-бедно цел, а стоит выйти – разорвут в клочья. Кто именно меня разорвет, как и зачем – на эти вопросы я не имел ответа. И не хотел его получать. Ну на фиг.

Время тянулось хуже, чем в детстве. Мне казалось, с того момента, как я ходил умываться, прошло часа полтора, а на самом деле – три минуты. Ебануться можно.

– Так, – сказал я себе. – Все. Харэ бздеть. Щас. Ты. Найдешь свои тапки. Наденешь брюки. Возьмешь гроши. И пойдешь, сука, в магазин за бутылкой. Как миленький. И будешь лечиться. Говна кусок припоцанный.

Внушение подействовало. По крайней мере, штаны я как-то натянул. И свежую майку. И сунул ноги в резиновые уличные шлепанцы. Но заставить себя открыть дверь, ведущую в подъезд, я не смог, как ни старался. Я почему-то был совершенно уверен, что никакого подъезда там нет. И вообще ничего нет, только душная тьма, как за кухонным окном. Проверить, так это или нет, у меня не хватало мужества: приблизив лицо к раздолбанной замочной скважине, я тут же отпрянул, таким затхлым, не по-летнему холодным воздухом

тянуло из подъезда. Будто его и впрямь не было, только космос, как вокруг какой-нибудь орбитальной станции. Причем такой дурной космос, что в нем космонавту даже звезд не полагается, и вообще ничего.

Дело кончилось тем, что я сел на пол в коридоре и заплакал.

– Бля-а-а-а, – тихо, нараспев говорил я сквозь слезы. – Ой, бля-а-а-а!

Вся эта херня совершенно меня вымотала, так что не осталось никаких сил сопротивляться чужим воспоминаниям, и они наконец обрушились на мою голову, как гора песка с самосвала, только не снаружи, а изнутри, откуда обычно не ждешь подвоха, вот в чем подлость.

Сперва я вспомнил табачную лавку на Покровке, где обычно покупал этот свой «sweet plum», как раз через дорогу от нашего с Мишкой офиса. И как мы зашивались этой зимой с проектом для экологов, сидели там по ночам, и у меня вечно невовремя заканчивался табак, часа этак в два-три ночи, когда лавка, понятное дело, была закрыта. Я все собирался купить две пачки и одну спрятать в столе, про запас, а днем почему-то напрочь об этом забывал – совершенно на меня не похоже, обычно я все мелочи держу под контролем, привычка с детства, слишком часто приходилось собирать вещи и переезжать, с места на место, из города в город, с одного края света на другой, из Казахстана в военный горо-

док под Ютербогом, а из этой райской глуши – в студеный, неприветливый Мурманск, оттуда – в захолустную, тоскливую Рязань и, почти там не задержавшись, в сладчайший, сонный, выбеленный солнцем Севастополь; а потом отец наконец вышел в отставку, и переезды закончились, но я к тому времени уже вырос и принялся скитаться самостоятельно, пока не застрял намертво в Москве, которая настолько откровенно не подходит для нормального человеческого существования, что я как-то незаметно для себя там прижился, в полной уверенности, что, конечно же, скоро сбегу, не в этом году, пожалуй, но в следующем – непременно. Я, кстати, не раз убеждался, что почти все мои надолго осевшие в Москве приятели подкармливали свою страсть к перемене мест ровно теми же байками. Впрочем, мне было там неплохо; наверное, только настоящему перекаати-полю и может быть хорошо в Москве, все маются, а нам – в самый раз: живешь, как на вокзале, не зная толком, чем будешь зарабатывать и по какому адресу поселишься в следующем году, каждый день проводишь как минимум два часа в дороге, рюкзак, уходя на работу, собираешь, как в поход, завтракаешь в кофейнях, ужинаешь в кабаках, чем не турист. Ужин я, впрочем, под настроение могу приготовить и сам, а вот завтракать люблю возле нашей конторы, на Покровке, в «Кофе Бине», который всем хорош, кроме досадной необходимости выходить с сигаретой на улицу. Но и это, в конечном итоге, оказалось к лучшему, потому что однажды рядом со мной на крыльце

нелояльной к курильщикам кофейни чиркала отсыревшими спичками высокая рыжая женщина с серыми, как мартовское небо, глазами и узкими, сизыми от холода ладонями. Она с таким откровенным любопытством принюхивалась к моему сладкому сливовому дыму, что я не мог не предложить ей попробовать; выяснилось, что ее зовут Лара, и я как-то сразу понял, что нам больше не стоит надолго расставаться, но более-менее убедительно изложить свою позицию сумел только три дня и девяносто восемь эсэмэсок спустя.

К этому моменту я уже знал, что воспоминания вовсе не чужие, а самые что ни на есть мои. Настолько мои, что непонятно теперь, как я мог обходиться без них целых полчаса или сколько там прошло времени с тех пор, как я проснулся на продавленном диване в съемной – съемной, конечно же, всего на сутки арендованной, о господи! – квартире.

Я отнял руки от лица. Обнаружил, что сижу на полу в коридоре, провел рукой по лбу и уже изготавился сказать себе со снисходительным упреком: «А вот не хрен вкусные звериные трупы жрать на ночь в таком количестве», – и тут увидел, что напротив, совсем рядом на полу сидит какой-то неопрятный пожилой мужик с необъятным брюхом, тонкой шеей и мутными не то с перепоя, не то от бессонницы глазами. Как он сюда попал?!

В панике я вскочил на ноги, и чужой мужик тоже вскочил, дико вращая глазами и судорожно открывая рот, как рыба, вытащенная из воды; только тогда я понял, что этот пузатый

хмырь – мое собственное зеркальное отражение, и вот тут мне стало по-настоящему страшно, а все, что было до сих пор, – пустяки, дело житейское, *сон в летнюю ночь*.

Крик перегорел во мне прежде, чем я открыл рот; зазеркальный мужик сполз обратно на пол и тихо, но твердо сказал вслух: «Нет, так не пойдет». А еще какое-то время спустя жалобно спросил: «Это сколько же мне лет теперь?» И почти сразу, свистящим от ужаса шепотом: «А Ларка, выходит, тоже... *такая?*»

Надо было пойти и посмотреть на нее – вот прямо сейчас, сразу, не откладывая, узнать правду и сдохнуть от нее на месте, а еще лучше – придумать, что со всем этим можно сделать. Всегда можно что-нибудь сделать. Пока человек жив, все поправимо, я точно знаю, я много раз проверял.

Но я так боялся заходить в комнату, где спала Лара, что вместо этого поплелся на кухню, где, я вспомнил, остались какие-то сигареты; я не понимал пока, являемся мы с пузатым мужиком из зеркала одним целым, или все-таки двумя разными существами, которым предстоит смертельная битва за сомнительное удовольствие существовать в этом восхитительном теле, но курить хотели мы оба, и это было куда хуже, чем хотеть курить в одиночку. Поэтому я пошел на кухню, достал из пачки сигарету LM, чиркнул спичкой, затянулся горьким дымом и тут же, зажимая рот руками, помчался в туалет. Меня вывернуло наизнанку – не то от скверного курева, не то все-таки от страха, но после этого стало ощутимо

легче.

— Здесь, — вслух сказал я, приковыляв на неверных ногах обратно в коридор, — был наш рюкзак. А в рюкзаке — бутылка воды и мой табак. Sweet plum, сладкая слива. Где он? Я точно помню, как ставил рюкзак вот в этот угол, а...

И, еще не договорив, увидел: да вот же он, темно-красный, с белыми и синими звездами, стоит себе на полу, как я его раньше не заметил? Хотя нет, это как раз понятно, не заметил, потому что не было никакого рюкзака, он появился после того, как я вспомнил, куда его поставил. Ага, вода на месте, и табачок, и бумажки, а больше ничего там нет, пусто — наверняка потому, что я вспомнил только про воду и табак. Ничего, ничего, сейчас все исправим. Там еще был пакет с плавками и Ларкиным купальником, и ее кофточка, серая, с капюшоном, и плеер в кармане, а в другом — камера, а в третьем, маленьком, мои темные очки, любимые, янтарно-коричневые, классической формы, «слезки», как говорили у нас в школе, с немного погнутой дужкой, я ее все время выправляю, а она опять гнется.

Я снова заглянул в рюкзак. Перечисленные вещи спокойно лежали на своих местах. Я одобрительно кивнул и принялся скручивать сливовую сигарету. Руки дрожали, пальцы не слушались, но это меня больше не пугало, я уже почти знал, что нужно делать, то есть, почти верил, что знаю. Но все равно.

Осталось понять, кто я все-таки такой, – подумал я, усевшись на кухонный подоконник. – Будет обидно, если на самом деле я и есть тот дядька из зеркала, которому приснился длинный-длинный, очень реалистичный сон про чужую жизнь, в духе даосских историй, «пока варился суп», и все в таком роде. А почему нет, собственно? Что мы знаем о белой горячке, кроме полусотни примерно одинаковых дурацких шуток про зеленых чертей? А ничего. Ровным счетом ничего. Может, и такая бывает белочка. Но тогда получается, вместо Ларки у меня там... Да уж, черт знает кто у меня там вместо Ларки, если так. И сам я, конечно, тот еще подарок. И жизнь мне, надо думать предстоит «тяжелая, зато короткая», как офисные шутники на плакатах пишут... Так, стоп. Если я – тот мужик из зеркала, откуда бы мне знать про офисных шутников? И Ляо Чжая я, получается, тоже во сне читал? А что ж, может, и нет в природе никакого Ляо Чжая, и офисных шутников тоже нет, и вообще ничего, одна только ложная память и прожорливая мировая бездна за окном. Причем «прожорливая мировая бездна» – это, боюсь, не совсем метафора, вернее, вовсе не метафора. Вот же она, совсем рядом, руку протяни, дышит, разглядывает меня внимательно, выжидает; еще помоешь, небось, перед употреблением. Или уже помыла.

– Нет, так не пойдет, – твердо сказал я. – Ты давай не о бездне думай, а о себе. О том, кто ты такой. И что тебе теперь делать. Вариантов немного, выбирай.

«Выбирай» – это было ключевое слово. Я наконец понял, что все сейчас зависит от моего выбора. Как решу, так и будет. Вон когда захотел курить, сразу выбрал тот вариант реальности, в котором красный рюкзак с запасами табака – не сон, а единственная и неповторимая правда жизни. А теперь надо быть последовательным: если есть рюкзак, значит, я – его хозяин, а не умученный сивухой пузатый мужик. Так? Так или нет, я тебя спрашиваю?! А если так, ступай в коридор и посмотри на себя в зеркало. И только попробуй увидеть там не того, кого следует, я убью тебя, глупая, трусливая скотина, своими – твоими, конечно же, – руками, так и знай. Хватит уже трястись, пшел в коридор! Кому говорю?

Когда я увидел в зеркале знакомое лицо – перекошенное от ужаса, с белыми от ярости глазами и пятнами на скулах, но, бесспорно, мое – я не зарыдал от счастья, не завопил победительно, даже, кажется, не особо обрадовался, только тихонько вздохнул от облегчения, *перевел дух* – вот именно, лучше не скажешь, перевел стрелки духа, как переводят часы, вернувшись домой из далекого путешествия. Достал из рюкзака бутылку с водой, отпил несколько глотков и пошел в комнату. Осторожно, стараясь не шуметь, улегся на диван, обнял Лару, уткнулся губами в ее затылок, стал говорить почти беззвучно: «Завтра утром мы будем пить кофе на углу, стейки – это ладно, дело житейское, а кофе у них обалденный, и там к нему, знаешь, подают такие большие дере-

вянные шкатулки с сахаром и специями, так здорово, нигде больше ничего подобного не видел. Тебе понравится – кофе, шкатулки и вообще все, поэтому спи спокойно, а завтра, пожалуйста, проснись рядом со мной, очень тебя прошу».

Я лежал без сна до рассвета, а когда взошло солнце, и стало совершенно очевидно, что никакой «прожорливой мировой бездны» за окном больше нет, только ясное небо, серый асфальт и цветные ромашки, окончательно успокоился и уснул, да так крепко, что Лара едва меня добудилась.

– Ну ты здоров спать, – с искренней завистью сказала она. – А мне всю ночь какая-то жуткая дрянь снилась, совершенно не помню, что именно, но точно дрянь, я та-а-ак обрadowалась, когда наконец проснулась, знал бы ты... И голова трещит, как будто мы с тобой весь вечер самогон жрали. Перегрелась я вчера, вот чего. И ты тоже, да? Выглядишь... скажем так, возвышено.

– Перегрелся, да, – согласился я. – Ничего, сейчас пойдем пить кофе в «Стейк-хаус». Они там...

– Приносят какие-то загадочные шкатулки со специями, – подхватила Лара, – ты мне вчера говорил. Пошли, а?

Уже потом, когда мы, умытые и одетые, стояли в коридоре, укладывая в рюкзак зубные щетки, Лара озадачено спросила:

– А это что такое? Откуда? Вчера их не было.

Я не сразу понял, что ее смутило, а потом наконец уви-

дел на полу возле трюмо грязно-бурые, в прошлом, надо думать, зеленые резиновые тапочки-вьетнамки, которые... Ну да, чего уж там, врать себе – последнее дело. Те самые, которые я надел ночью, когда решил сгонять в круглосуточный магазин на Софиевскую.

– Я точно знаю, что никакой чужой обуви тут не было, вчера специально искала какие-нибудь тапки, чтобы босиком по этому полу не ходить, – говорила Лара. – И ничего не нашла. Откуда они взялись? Не понимаю.

– А, ну так они под диваном валялись, – сказал я. – Вставал ночью в туалет, как-то машинально пошарил и нашел. А потом тут оставил, понятия не имею, почему. Спросонок.

Лара кивнула, полностью удовлетворенная моим невнятным объяснением, и мы наконец вышли во двор, а оттуда – на залитую солнцем улицу, по которой неспешно катилась поливальная машина, окруженная радужным ореолом брызг.

Из сборника «78»

От автора

Сборник «78» был одним из самых необычных и масштабных проектов ФРАМа. При этом работа над ним началась в фереале 2006 года, а в ноябре того же года книга уже вышла.

Как это часто бывает с глобальными замыслами, идея собрать под одной обложкой рассказы, раскрывающие смысл всех арканов Таро, родилась случайно, в дружеской беседе.

Собрать теплую компанию единомышленников, выбрать себе по карте и написать рассказы, связанные со значением аркана, предложила Наташа Крайнер. Гала Рубинштейн предположила, что авторы должны не выбирать тему (карту) самостоятельно, а тащить ее наудачу, как при настоящем гадании. Осталось только собрать семьдесят восемь авторов (на самом деле, чуть меньше, потому что, в итоге, некоторые из нас написали по два текста).

Раздавая карты участникам проекта, составитель, конеч-

но, вытянул одну и для себя. Мне достался Одиннадцатый Аркан (Сила, в интерпретации Кроули – вожеление, страсть), и это был добрый знак.

И, кстати, о добрых знаках. Гораздо позже, когда сборник «78» уже лежал во всех книжных магазинах Москвы и Петербурга (в другие города книги ФРАМа, к моему величайшему сожалению, попадали чрезвычайно редко), случайно выяснилось вот что.

В 1897 году Фритьоф Нансен написал книгу «Фрам» о своем путешествии на этом корабле. И в пятой главе, помимо прочего, обнаруживается следующее признание:

«Скоро будем под 78° северной широты. Но далеко ли уйдем потом? Я все время говорил, что буду счастлив, достигнув 78°».

И это, конечно, был не просто добрый знак, а что-то вроде похвальной грамоты из Небесной Канцелярии. Всем нам – по крайней мере, тем из нас, кто уже научился поддерживать живой двусторонний диалог с реальностью.

Забегая вперед, скажу, что, *достигнув «78»*, мы, как и следовало ожидать, ушли потом очень, очень далеко. Но это уже другая история.

Суми-Думи⁶

XI Аркан. Сила (Вожделение)

В старой традиции Одиннадцатый Аркан – Сила, дева, укрощающая льва. Суть его прекрасно передают мастера боевых искусств, когда говорят ученикам, что вершина всякого боевого искусства – не сражаться вовсе.

У Алистера Кроули Одиннадцатый Аркан – вождение. То есть все силы, имеющиеся в распоряжении человека, направленные к единственной цели – объекту вождения. В связи с этим следует предложение – не бояться своего «внутреннего зверя», а приручить его, укротить и подчинить себе, к обоюдному удовольствию.

Для полного понимания Одиннадцатого Аркана следует соединить обе интерпретации. И получить в сумме девственницу Жанну д'Арк, которая кричит своему войску: «Кто любит меня – за мной».

⁶ Некоторым читателям наверняка будет любопытно узнать, что смутные, как сон, события, описанные в этом тексте, привязаны к совершенно конкретному адресу – город Вильнюс, улица Вильняус (т. е., Вильнюсская), летняя веранда кафе «Romodogo», в кофейной карте которого по сей день значится напиток «эспрессо с медом» («su medumi» – по-литовски).

Сейчас, сейчас. Иду. Ну что ты кричишь так? Я тебя слышу. Просто я далеко, понимаешь? А ведь, пожалуй, не понимаешь. Ладно, ладно, говорю же, иду. Все моря теперь по колено мне, скалы – ступени, чтобы сподручнее было карабкаться вверх, тысячелетние сосны хлещут по щиколоткам – ничего, не крапива, потерплю, пройду как-нибудь, лишь бы только о линию горизонта не споткнуться впопыхах, а впрочем, ерунда – ну споткнусь, ну упаду, что с того? Встану, отряхнусь и дальше пойду, сколько раз уже так было, ты помнишь.

Вот тебе пока радуга в полтора неба, чтобы не скучно было ждать, и, ладно, вторая, прозрачная, сверху, и третья, почти невидимая, мне не жалко. И пусть везде будет дождь, а прямо над тобой бирюзовая прореха в тучах, чтобы ни капли на макушку, и на тент полосатый, что над макушкой твоей, тоже ни капли – хорошо же, правда? Ну вот, а я скоро уже, скоро, ну что ты, в самом деле.

Ломтем солнечного света перекушу поутру, на бегу, в волчью шкуру закутаюсь ночью, жертву присмотрю вдалеке, не догоню, так согреюсь, спрячусь от ярости твоей ледяной, ты, кстати, зря так сердисься, потому что – ну я же иду, это только кажется, что медленно, того гляди, собственную тень обгоню, будет нить, что ножки болят, дыхания не хватает, спать хочется, на руки возьму ее, понесу, хоть и тяжела она,

но до ближайшего обрыва доволоку как-нибудь, а там – поминай как звали. Нечего было путаться под ногами, мало ли что тень, все, проехали, забудь.

И вот тебе еще развлечение, пока меня нет. Хочешь, сейчас во-о-он на том углу тонкий смуглый юнец, приподнявшись на цыпочки, занесет над подружкой сияющий позолотой ятаган, уличная толпа замрет в причудливых позах, кто-то тоненько взвизгнет, а девица, перекинув белокурую косу с плеча на плечо, хихикнет: опять переигрываешь, все бы тебе людей пугать, не помнишь, режиссер говорил, не надо вот этих вот эффектных поз. Мальчик что-то ответит неразборчиво (ты не услышишь), спрячет бутафорский ятаган под полый плаща, дама за соседним столиком вздохнет разочарованно, но все же с облегчением, а официантка скажет тебе: «Студенческий театр, они здесь рядом репетируют», – и вот пока она не отошла, не забудь, пожалуйста, заказать мне эспрессо с медом, *espresso su medumi*, суми-думи, ты знаешь, я его очень люблю. Что? Нет, не остынет, потому что я уже не иду, я бегу к тебе, не разбирая дороги.

Если учую погоню, гребень из кармана выну, кину через левое плечо, гори все синим пламенем. Не пожар, так потоп, не понос, так золотуха, а если пустыня за моей спиной превратится ненароком в цветущий сад, не моя это вина, да и не заслуга вовсе. Откуда мне знать, что это за гребень был

и почему он так работает? Я не теоретик, я практик. Нет, я не отвлекаюсь, я на бегу говорю, ну что ты так бесишься, сказано же было, я сейчас. Миллион шагов сделать осталось, всего-то, а потом – понять, что только один шаг разделял нас с самого начала, мне и теперь это ясно вполне, но должен же кто-то снашивать железные башмаки, чтобы добро не пропало, мастер ковал, старался, и кто оценит его работу, если не я?

Вот то-то.

Ну видишь, я уже тут. Пять минут, подумаешь, тоже мне опоздание, да не дергайся ты, я помню, что за руку брать нельзя, и меня, между прочим, нельзя – никому, кроме тебя, а ты не возьмешь, и хорошо, значит, эта реальность пока не взорвется, не сегодня, мой друг, не сегодня, и это хорошая новость, да?

До первой русалки⁷

6 Мечей. Наука

Этот аркан обещает высокую плату за труд (особенно интеллектуальный). При неблагоприятном раскладе лавровый венок не отберут, но характер его обладателя испортится: Шестерка Мечей предупреждает о таких опасностях, как догматичность, излишний академизм, неприятие новых идей, чрезмерная амбициозность и все в таком духе.

– ...Ты что, лебедям хлеб крошил? Я знаю, что запрещающих табличек тут нет, но лучше не надо бы, хлеб – не самая полезная еда для водоплавающей птицы. Ну ладно, немножко можно, я имею в виду чуть-чуть, по маленькому кусочку,

⁷ В сборнике «78» автором этого текста значится Михаэль Штраух, один из моих любимых (моих же) эпизодических персонажей, очень хороший немецкий писатель. Герои «Энциклопедии мифов» носятся с цитатами из его книг, находят в них опору и утешение, заучивают наизусть и бубнят под нос в самые непростые моменты жизни; герои «Жалобной книги» заходят еще дальше и разговаривают с Михаэлем по телефону. Мне в свое время хотелось написать пару-тройку романов Штрауха, а потом опубликовать, выдав себя за переводчика, но, боюсь, они слишком хороши, чтобы вот так взять и материализоваться, пусть даже с моей помощью. Поэтому из всего литературного наследия Штрауха на сегодняшний день нам доступны только два рассказа, которые, будем считать, мы с Михаэлем написали в соавторстве. О втором речь пойдет чуть позже, а первый (хронологически) – перед вами.

а не полбатона на рыло, как...

Джем? Какой, вишневый? Малиновый? Конечно, держи.

А вот русалкам хлеб давать можно. Они, правда, сами его неохотно берут, боятся растолстеть, что с них возьмешь, девчонки... Ты чего смеешься? Ну да, русалки растолстеть боятся, а что тут такого?

Нет, не издеваюсь.

Ты когда приехал? Вчера вечером? А, тогда понятно. Увидишь еще. Конечно, увидишь, они особо не прячутся. То есть некоторые прячутся, по личным каким-то причинам, обижаются или стесняются, а сейчас еще луна на ущербе, у многих депрессия, ну а что ты хочешь, жители воды от нее чаще страдают, чем люди, хотя, казалось бы, куда уж чаще...

Я тебе вот что хочу про русалок сказать. Ты их, конечно, корми, если увидишь, на здоровье, они забавные и все жрут, еще и благодарят словами, совсем как люди – ну, почти. Но если ты дашь им суши...

Да, конечно, у нас есть японские рестораны, а где их сейчас нет? Даже прямо здесь, на набережной, видишь, где желтая крыша? Не то «Цветок сакуры», не то «Лепесток жасмина», не помню. Но он, честно говоря, не очень, суп у них лучше не заказывай, и храни тебя бог от тамошнего омлета, зато суши с лососем захочешь – не испортишь, лишь бы рыба была свежая, а у них свежая... Что? Нет, суши с русалками никто не делает. Равно как и с человечинной. Шутки у тебя дурацкие.

У меня? А я не шучу. Все знают, что русалки обожают суши. То есть, если ты дашь русалке суши, она не просто корм слопает и спасибо скажет, она потом на берег к тебе полезет, особенно если ей покажется, что у тебя в руках еще что-то есть. А когда нажрется до отвала – все, твоя навеки. Ну как, очень просто. Всюду будет потом за тобой таскаться, ну да, и домой к тебе пойдет, залезет в ванную и останется там жить долго и счастливо, пока смерть не разлучит вас. Вот у Кривого Томаса в лавке уже лет восемь русалка живет, он ее на суши с угрем приманил, это все знают. Страшно доволен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.